

Борис Шергин

Сказки

поморская говорь

СОДЕРЖАНИЕ

Данило и Ненила
Дивный гудочек
Мартынко
Пойга и Лиса
Пронька Грезной
Шиш Московский
Судное дело Ерша с Лещом
Варвара Ивановна
Волшебное кольцо
Золоченые лбы

Данило и Ненила

В некотором месте королешко был старой, утлой, только тем поддярживался, что у его в секрете вода была живая. Каждо лето на эти воды ездил, да от воды наследники не родятся. Люди натакали знающу старуху.

Старуха деньги взяла вперед и велела королевы нахлебаться щучьей ухи. Щуку купили, сварили, ушки поела королева и ейна кухарка. И с этой ухи обрюхатели. Стара королиха принесла одного Федьку-королька, а у молоденькой кухарки родилось два сына, два белых сыра – Данилко да Митька, по матери Девичи.

Время идет, Данило рос, как на опары кис, Митька не отставал, а королек все как котенок. Он с мала ввалина был, рева и ябеда. Братья много из-за него деры схватили. И в училище Данило впереди учителя идет, а Федька по четыре года в каждом классе.

Вот пришли молодцы в совершенны лета. Данило Девич красавец и богатырь; высок – под полати не входит. И Митька в пару. А Федька-королек – чиста облизьяна. Отчишко оногды спьяна розмяк, своей шипучей воды сыну полрюмки накапал, да росточку-то уж не набавил.

А хоть сморчок -да королю сын. Куда поедет – на мягких подушках развалится, а Данило – красавец, да на облучке сидит.

Вот однажды Федькин отчишко прилетел с рынку, тычет наследника тросью: – Ставай, дармоедина! Счастье свое просыпают Соседка наша Ненила Богатырка, из походу воротивши, замуж засобиралась. Женихи-ти идут и едут. Из ейной державы мужики наехали, дак сказывают. А добычи-то военной, добра-то пароходами притянула! Деветь неверных губерен под свою руку привела. Небось не спала!!

- Я, папенька, воевать боюсь.

- Где тебе воевать, обсечек короткой! Тебе чужо царство за женой надо взять... Ох, не мои бы годы!... Ненилка-та – красавица и молода, а сама себя хранит как стеклянну посуду. А работница! Баят, жать подет, дак двенадцать суслонов на упряг. А сенокосу-то у ей, пашни-то! Страм будет, ежели Ненилину отчину, соседню, саму ближню, чужи люди схватят.

- Папенька, мне бы экой богатыркой ожениться. Люблю больших да толстых, только боюсь их, издали все смотрю.

- Ты-то любишь, да сам-от не порато кус лакомой. Ей, по сказкам-то, матерого да умного надо. Испытанья каки-те назначат, физическу силу испытыват. Однако поезжай.

- Я Данилку возьму.

- Да ведь засмеют. Ты ему до пупа!

- Адиеты! Кто же будет ровнеть мужика с королями.

Все же к Федькиным новым сапогам набавили каблуки вершка на четыре. А у Данила каблуки отрубили. Далее – Федьке под сертук наложили ватны плечи и сверьху золоты аполеты, также у живота для самовнушения. Подорожников напекли и проводили на пристань. Плыли ночь. Утре в Ненилином городе. Чайку на пристани попили и к девети часам пошли на прием к королевы. Дворец пондравился – большой, двоепередой, крашеной, с подбоями, с выходами.

Думали, впереди всех явятся, а в приемной уж не мене десятка женихов и сватовей. Королек спрашиват секретаря:

- Королева принимают?

- Сичас коров подоят, и прием откроитсе.

А публика на Данила уставилась:

- Это какой державы богатырь?

Федьке завидно, командует на парня:

- Марш в сени!

А министры Федьку оприметили, докладывают Ненилы:

- Осударына, суседского Федьку испытывайте вне всяких очередей и со снисхождением. Ихна держава с нашей – двор возле двор. Теперь вам только руку протянуть да взять.

- Ладно, подождет. Открывайте присутствие, а я молоко разолью да сарафанишко сменю.

Погодя и она вышла в приемну залу. Поклонилась:

- Простите, гости любящи, задержалась. Скота обряжала да печь затопляла.

Федька на богатырку глянул, папирота из роту выпала. Девка – как Волга: бела, румяна, грудь высока, косы долги, а сама полна, мягка, ступит – дак половица гнется, по шкапам посуда говорит. Федька и оробел. Королевна тоже на его смотрит: "Вот дак жених -табачна шишка, лепунок..." И говорит:

- Твоя рабоча сила нать спробовать, сударь. У меня в дому печи дров любят много. Бежи, сруби вон лишну елку, чтобы окна не загораживала.

Федька затосковал, – ель выше колоколен, охвата в три. Однако нашелся:

- Стоит ли костюм патрать из-за пустяка. Это и мой кучер осилит.

У Данилы топор поет, щепка летит. Ненила в окно зглянула, замерла:

- Откуль экой Бова-королевич?! Где экого архандела взяли?

Королек сморщился:

- Я сказал, что мой кучер.

Зашумело, ель повалилась, Ненила пилу со стены сдернула:

- Побезу погреюсь. Роспилю чурку-другу.

Одночасно Данило да Ненила печатну сажень поставили, хотя не на дрова, а друг на друга глядели. Да с погляденья сыт не будешь.

Утром королек торопит:

- Сударына, когда же свадьба?

- Добро дело не опоздано. Нам еще к венцу-то не на чем ехать. Зимой дядя от меня у подряду дрова возил, дак топере кони-ти на волю спушшены. Дома один жеребеночек, в упряжи не бывал. Ты бы объездил.

Федька сунулся в конюшну, пробкой вылетел. Конь – богатырю ездить - прикован, цепи звенят.

- Таких ли, – Федька говорит, – я дома рысаков усмиряю, а этого одра мой Данилко объездит.

Данило не отказался, спросил бычью кожу, выкроил три ремня, свил плеть в руку толщиной, пал на коня. Видели – богатырь на коне сидит, а не видели повадки богатырские. Только видят: выше елей кулева стоит, кулева стоит, камни, пыль летят.

Королек от такого страху давно в избу убрался и дверь на крюк заложил. Одна Ненила среди двора любитесь потехой богатырскою. Двор был гладок, укатан, как паркет, конь и всадник его что плугом выбрали. Теперь на жеребца хоть ребенка сади.

Назавтра и Федька, разнаредясь, верхом проехаться насмелился. Конешно, Девич повода держал.

Советники к Ненилы накоротки заприступали:

- Как хотите, сударыня, а Федькины земельны угодыя опустить нельзя. Дозвольте всесторонне осветить по карты. Вот ихна держава, вот наша. Вот этта у их еловы леса, этта деревья кедровы...

- Мне спать не с деревом кедровым и еловым, а с мужиком! Дня три поманите.

Ненила грубо советникам отрезала, а сердце девичье плачет. Веселилась, да прираздумалась, радовалась, да приуныла, пела, да закручинилась. Полюбила Даниловы кудри золотые, завитые.

День кое-как, а ночью – соболино одеяло в ногах да потонула подушка в слезах:

- Данилушко, я твой лик скоро не позабуду!

И во сне уста сами собою именуют:

- Данилушко!

Данилушко не дурак, это заметил. Тоже сам не свой заходил. Ненила где дак бойка, а тут не знает, как быть. И сроку не то что дни, часы остались считанные.

Данило пошел на заре коня поить, Ненила навстречу. Мешкать некогда. Он выговорил:

- Неужели, госпожа, ты моя да моя?!

- Уж и вправду, господине, твоя да твоя!!

И любят друг друга светлым видом и сладким смехом.

Федька это вышпионил, сенаторам наскучил. Сенаторы опять поют:

- Ох, государыня... Конечно, Федька против Данилы – раз плюнуть, но ведь за Федькой-то земельных угодьев у-ю-ю!

Ненила заплакала:

- Ах вы, бессовестные хари! Я на двенадцати войнах была, разве мало земли добыла?!

Сенаторы Ненилу зажалели, отступились уговаривать. Корольку сказали:

- Наша Ненила досюль была спяща красавица. Данило ее разбудил. Пущай она дичат, как знат.

Федька взял да купил знающу личность по медицине. Личность дала травы сбрунец, от которой память отымается. Федька подсыпал сбрунца Нениле в чай.

Она выпила две чашки и сделалась без понятия. Федька забегал по дворцу:

- Сию минуту сряжать королеву под венец!!

Фрейлины испугались, что Ненила молчит, однако живо обрядили, к венцу повезли. Тут Девич налетел, растолкал свадебников, схватил Ненилу за руку:

- Госпожа! Ты помнишь ли?

Она долго на него смотрела:

- Ваша личность мне кабыть знакома...

Он заплакал навзрыд. Ушел к морю.

На обручение Ненила только одно слово выговорила:

- Данилушко, ты у меня слезами полит, тоскою покрыт!

Ей ни к чему, что возле-то Федька. Сенаторы и народ засморкались, слезы затирали. И как венчать стали, невеста второ слово высказала:

- Венчается Данило Нениле, а маленька собачка Федька не знай зачем рядом стоит.

Тут весь народ и с попами по домам полетели:

- Это свадьба не в свадьбу и брак не в брак!

Личность, у которой королек траву купил, тоже спокаялась, отыскала Девича, шепчет ему:

- Не реви! Этот угар у королевны к утру пройдет. Мы обманули Федьку. Он на месяц дурману просил, а мы дали на сутки.

А Федька скорехонько погрузил Ненилу на пароход. Она в каюте уснула как убита. Плыть всю ночь. Данило вахту дежурит. По морю лед идет весенний, по молодецкому лицу – слезы.

И королек свое дело правит. Подкрался да оглушил Девича шкворнем. Тело срыл в море.

Утром берег стал всплывать и город.

Федька ходит козырем:

- Ненилка месяц будет не в уме. Я ее выучу по одной половице ходить.

Повернулся на каблуке, а Ненила сзади стоит, здорова и в памяти, только брови, как медведи, лежат:

- Я как сюда попала?

У Федьки живот схватило:

- Бы, значит, со мною обвенчавши. И плывете, значит, в наши родные палестины-с!

Ненила вдруг на палубу упала, руки заломила:

- Что со мной стряслось? На войне я была удача и гордость, а тут...

Она вдруг сделалась страшна, грозна:

- Где Данило Девич?!

- Данило накачался на свадьбе как свинья; не свалился ли в воду с пьяных глаз...

Но тут пароход к пристани заподоходил. Музыка, встреча, отчишко с министрами, народ. В пристанском буфете сряжен банкет. Все в одну минуту напосудились без памяти. Явился Митька пытаться о брате. Королек насильно налил Митьку вином, с отцом пошущукался и под шумок стянули они пьяного в лодку. Отчишко уплавил тело к морю, валил на пески, ножом вывертел сонному глаза и угреб обратно.

А Федька, как за стол-то воротился, думает: ничего никто не приметил.

Глядь, Ненила подходит:

- Кого куда в лодке повезли?

- Митьку, Данилкинова брата, папаша вытрезвлять поехал.

Мать Данилы да Митрия тут привелась, заревела медведицей:

- Убивать повезли моего детища! И Данилу убили!!

На дворе тишина стала. Ненила, как туча грозовая, приступила к Федьке:

- Где Данило?!

Королек завертелся собакой:

- С пароходу пьяной упал, на моих глазах захлебнулся.

Матка опять во весь двор:

- Врешь ты, щучий сын! Не пьет мой Данилушко, в рот не берет. Где они?!

Где мои рожоны дети?!

Ненила королька за плечо прижала, ажно он посинел:

- Сказывай, вор, где ейны дети?!

Федька вырвался, по полу закатался, заверещал свиным голосом:

- Эй, слуги верны-ы! Хватайте мою жену Ненилку, недостойную королевского ложа! Я Данилку ейного своеручно в море спихнул, как комара, а ее, суку, на воротах расстреляю! Вяжите ее! Каждого жалую чином и деньгами!

Среди двора телега привелась ломовая, оглобли дубовы велики. Ненила Богатырка вывернула эку семисаженну снасть да как свистнет, свистнет наокруг: по двору пыль свилась с камнем, из окошек стекла посыпались.

Брызнул народишко кто куда, полезли под дом, под онбары, на чердак, на сенник, в канаву. Сутки так и хранились, как мертвы. Старой королешко ухватил с собой десяток мужиков поудалее, да на двух телегах и удрал неведомо куда.

Воля во всем стала Ненилина.

Перво дело она послала людей к морю искать Данила и Митрия, да от себя подала во все концы телеграммы. Посыльны бродили неделю, принесли голубой Данилов поясок:

- Не иначе рыбы съели братанов. По берегу есть костья лежит.

Ненила убрала в сундук цветны сарафаны, наложила на голову черной плат. Ни с кем боле не пошутит, не рассмехнется. День на управленье да при хозяйстве, а после закатимого сядет одинохонька у окошка, голубу Данилову опояску к сердцу прижмет и запричитат:

Птичкой бы я была воронкой,
Во все бы я стороны слетала,
Под каждую бы лесинку заглянула,
Своего бы дружочка отыскала.

Месяц мой светлый,
Почто рано погиб?!
Цвет мой прекрасный,
Почто рано увял?!

Народ-от мимо идут, дак заслушаются.

А Федьки королевна объявила:

- Не знаю, что скажет осень, а нонешно лето будь ты пастух коровий в Митькино место.

Он и пасет, вечером домой гонит. Ненила с подойником у хлева ждет и считает, все ли коровы. Пересчитат и велит корольку последню под хвост поцеловать. Эта корова так уж и знат. Дойдет до конюшны, остановится и хвост подымет.

А Данило не утонул, с парохода упал. Примерз рукавом к льдине. Утром прикачало к берегу. А встать не может – ноги умерли с морозу. Федьки боится, в лес на коленцах бежит, ноги, как кряжи, волокет. И вдруг слышно – лес трещит впереди. Не медведь ли? И закричал:

- Зверь али человек?!

И увидел слепого брата. Поплакали, посидели, рассказали друг другу.

- Помрем лучше, братец, – говорит слепой, – кто нам рад, эким-то?

- По миру будем ходить, коли работать не зможем, – утешит безногой. -

У тебя ноги остались, у меня глаза. Посадишь меня на плечи, целой человек и станет. А теперь затынемся в тайболу, переждем, не обойдецца ли Федькино сердце.

Зашагал слепой под север, на себе несет брата, тот командует:

- Право!... Лево!... Прямо!...

У глухого озера нашли избушку -от ветру, дождя схорониться. Связали из вичья морды-ловушки, рыбку промышляют.

Ненилины послы далеко заходили, а глухого озера половины не дошли.

Живут братья, бывает, и месяц.

Оборвались, в саже умарались. Данило и сказывают:

- Вот что, Митя, зима этта пострашне будет Федьки. Топора нет, ножа нет, соли нет, спичек нет. Надо выходить на люди. Я надумал вот чего попытать. Отсюда под юг должна быть трактова дорога. Я смала ежжал. По дороге, все под юг идти, Федькиного отчишка летней дом с садом. В саду гора, в горы две дыры вьюшками закрыты. Одна дыра – шипучих минеральных вод, друга дыра – огнедышаща, подземну лаву выкидыват. Шипуча-та вода прежде всем хромым, слепым пользу подавала. Про это заграбучий Федькин папенька пронюхал, сад и гору камением обнес, никому ходу не стало. Только сам летом окатываться да пить наезжат. К этой воды станем-ко подвигаться.

У озера отмылись, вяленой рыбки увязали, сел хромой слепому на плечи, командует:

- Право!... Лево!... Прямо!...

Подойдут да полежат у ручейка либо где ягод побольше. Нашли трактову дорогу, по дороге в сутки добрались до королевской дачи. Кругом горки и сада высоченна ограда. Рядом деревнюшка. В деревню бедны странники и зашли.

Кресьяне забоялись эких великанов, на постой не пускают. Что делать? Сели у колодца, рыбки пожевали, напильсь. И пришла по воду девица, тоненька, беленька, личушко как яичушко, одета пряжей по-деревенски. Данило и заговорил:

- Голубушка, не бойся нас, убогих людей, мы случаем жили в лесу, оборвались, обносились. Приволоклись сюда по добру живу воду.

Девица покачала головой:

- Напрасно трудились, бедняжки. Единой капли не добудете. Видите, коль ограда высока. А тепере королешко приехал, дак и близко ходить не велено.

- Старик приехал? Когда?

- Да уж около месяца. Прикатили на двух телегах, кони в мыле... Не стряслось ли чего в городе?

Данило весь стрепенулся – не моя ли там желанна воует? Да поглядел на свои ноги, приуныл: кому я, увечной, надо?... Дале говорит:

- Голубушка, обидно ни с чем уходить. Охота здесь вздохнуть хотя неделку. Не слыхала ли баньки, кухонки порозной? У нас цепи есть серебряны, мы бы хлебы и постой оплатили.

Девица на братьев посмотрела: хоть рваны, убоги, а люди отмениты, приятны, красивы, обходительны.

- У меня горница свободна. Я одна живу сирота. За постой ничего не надо. Я портниха, зарабатываю.

Девицу звали Агнея. Братья тут и стали на постое.

Данило на хозяйшку все любуется, свою зазную вспомят, а Митя разговору не наслушался бы. Настолько Агнея приветлива, разумна, рассудительна. Данило и спрашивает:

- Скажи-ко, Агнея, старик-от в деревню показывается ли?

- Навеку не бывал. Только и видим – в усадьбу едет да оттуда.

- О, горе наше, горе! Чашечку бы, ложечку этой доброй водички – стали бы целы. Помрем лучше, Митька!

Агня слушат, зашивают ихну одежду, свою думу думат. Назавтра принесла деревенски вести:

- Королешко-то сторожа в деревню гонял, нет ли бабы для веселья...

Жалею я вас, молодцы, может, ради водички схожу туда?

- Брось, Агня! Слушать негодно!

Вечером она срядилась по-праздничному:

- Я, братцы, к девушкам на игрище.

Вот и отемнало, люди отужинали, ей все нету. Митрий пошел к соседям:

- Сегодня игрище где?

- В страду что за игрища?!

Братья заплакали:

- Она туда ушла! Ушла ради нас!

А она и идет:

- Не убивайтесь, каки вы эки мужики! Никто меня не задел. Уверилась только, что воды ни за каки услуги старичонко не даст. Добром никак не взять, надо насильно.

Митька перебил:

- Ты, Агня, с краю сказывай.

- Я даве, нарядна-то, прохаживаюсь возле ворот, меня король и оприметил. Сторожа выслал. "Пожалуйте в сад". Зашла, трясусь, а королешко возле ездит, припадат, лижет. Я будто глупенька – зачем гора, и зачем вода, и кто сторожит? Он вилял, вилял, дале рассказал. Перва от ограды труба и есть минеральная, дальня огненна. Крышки у труб замкнуты и ключи затаены.

Вам придется ломать. Вся дворня спит в дому. У ворот один сторож. Вот, братаны, завтра у нас либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Сегодня я отдулась, завтра ночевать посулилась. Вы к ночи-то, будто пьяны, валяйтесь там у ворот. Я караульного напою и вас запущу.

- Благодарствуем, Агньюшка, целы уйдем – в долгу у тебя не останемся.

На другой день, на закате, Агненья опять приделась, в зеркало погляделась – лицо бумаги беле. Нарумянилась и брови написала, в узелок литровку увязала, простилась, ушла. Как вовсе смерклось, и хромой со слепым полезли туда же. Один ломом железным подпирается вместо клюки, другой на короушках ползет, видно, что оба пьяне вина. Дальше стены пути не осилили. Тут запнулись, тут захрапели.

И Агненья свое дело правит. Позвонилась, со сторожем пошутила, бутылку ему выпоила. Короля по саду до тех пор водила, пока дворня спать не легла.

Как огни в дому погасли, и Агненья на отдых сторопилась. Кавалера в спальню завела, сапоги с него сдернула, раздела, укутала, себе косы расплела, да и заохала:

- О, живот схватило!

Вылетела из дому – в сторожке храпят. Ключ схватила, ворота размахнула, а хромой уж оседлал слепого. Она Митрия за руки и – в сад:

- Ближну трубу ломайте с одного удара. Лишний гром наделаете, тревога подымется, умыться не успеете. Я побегу, старик хватился.

Старик в самом деле на лестнице ждет:

- Что долго?

- Сударь, пожалуйста в горницу! Ночь холодна.

Вдруг грохнуло где-то, окно пожаром осветило.

Старик всполошился:

- Что это?

- Луна выкатилась больша, красна. А стукнуло – охотники в лесу стрелили.

Сама плешь ему одеялом кутат, обнимат, балует, В саду опять гременуло, люди забегали.

Старик соврал Агненье, что с живой водой ближний колодец, соврал не без умысла. Данило подполз на коленях к первой трубе, ахнул ломом по чугунной крыше, оттуда лава огнедышащая. На счастье, братьям опалило только волосы и одежду, а огнем осветило в стороне другой колодец. Данило бросился туда ползунком, – лом вместо костыля, да опять как грянет в чугунные затворы...

Замки, краны отлетели, чохнула вода ледяна, игриста. Данило пал под поток, зовет:

- Митя, Митя!

А слепой уж тут, глаза полощет.

От доброй воды живой срослися кости с костями, вошли суставы в суставы.

Данило вскочил на ноги, и Митька во все глаза смотрит – стал видеть. А

радоваться некогда. Дворня бежит с топорами, с саблями. Ну, теперь-то Данило да Митрий богатыри, целы да здоровы – никого не испугаются. Как туча с громом, налетели на королевску челядь, у Данила лом в руках, у Митьки столб оградной, только воевать не с кем. Кто лежит, кто за версту бежит.

Агнею нашли, весело поздравились. Лакей – из тех, что со старичонком приехал, – выложил все новости.

Королевство под Ненилой, а под Федькой -коровы. А королевна Ненила каждый вечер Данила оплакиват – за версту слышать.

Данило боле не терпит:

- Сегодня же в город!

Митрий добавлят:

- Агнея с нами. Она за меня замуж согласилась.

Покатили с колокольчиком. Дорогой коней три раза кормили. В городе Митя с Агнеей на постоялом стали, Данило попозже задней улицей подошел ко дворцу.

Слышит, скот мычит, Федька коров гонит. До того Данило думал – встречу, изуродую. А тут жалко стало. Спрятался за навозны ворота и видит – Ненила, в черном платке, с подойником вышла и прислонилась у конюшни. Стали коровы заходить, а последня остановилась и хвост признала и Федька ей целует...

Этого Данило не стерпел. Налетел как орел, схватил коровенку за хвост, ажно шкура долой. И Ненилу за косу да о землю:

- Как ты можешь над мужиком эдак изгиляться??!

Ненила как с ног слетела, так и не встала. Обняла парня за правую ножечку, плачет да смеется:

- Бей меня, трепли, убивай! Ведь я твоя, твоя, Данилушко! Изгасла по тебе!

Как дорожны-ти люди в себя пришли, села Ненила с Данилом рука об руку - неделю с ним проговорила:

- Отступиться хочу здешнего осьего гнезда. Этта все не мое и сердце ни к чему на радет. А дома короушки, осударственно управление, огороды, мельница – все на людей кинуто. Поедем ко мне, Данилушко, вместях будем королевствовать. У нас место обширно – пашня тут и сенокос тут. Агнею с Митей утенеи за собой. Агнюшка нас с мели сдернула.

Вот и уехали, увезли свое счастье Данило и Ненила, Агнея и Митька.

Мать-та при них же. А Федька с отчишком и остались на бубях.

Дивный гудочек

У отца, у матери был сынок Романушко и дочка – девка Восьмуха.

Романушко – желанное дитячко, его хоть в воду пошли. А у Восьмухи руки загребущие, глаза завидущие.

Пришло красное лето. Кругом деревни лежат белые олени мхи. Родятся ягодки красные и синие. Стали брат с сестрой на мох ходить, ягодки брать.

Матка им говорит однажды:

- Тятенька из-за моря поясок привез атласный лазорева цвету. Кто сегодня больше ягод принесет, тому и пояс.

Пришли ребята на мох, берут ягоду-морошку. Брателко все в коробок да в коробок, а сеструха все в рот да в рот.

В полдни стало жарко, солнечно.

У Романушки ягод класть некуда, а у Восьмухи две морошины в коробу катаются и те мелки и зелены.

Она и сдумала думку и говорит:

- Братец, солнце уж на обеднике! Ляг ко мне на колени, я тебе головушку частым гребешком буду учесывать.

Романушко привалился к сестре в колени. И только у него глазки сошлись, она нанесла нож да и ткнула ему в белое горлышко... И не пуховую постелю постилает, не атласным одеялом одевает, – положила брателка в болотную жемь, укутала, укрыла белым мохом. Братневы ягодки себе высыпала. Домой пришла, ягоды явила:

- Без расклонки брала, выдать мне-ка атласный пояс!

- Романушко где-ка?

- Заблудился. Его лесной царь увел.

Люди в лес побежали, Романушку заискали, в колокол зазвонили...

Романушко не услышал, на звон колокольный не вышел. Только стала над ним на болотце расти кудрявая рябина.

Ходят по Руси веселые люди – скоморохи, народ утешают песнями да гуслиями. Поводырь у скоморохов свет Вавило. И пришли они на белые олени мхи, где Романушко лежит. Видит Вавило рябинку, высек тесинку, сделал гудок с погудалом. Не успел погудальце на гудок наложить, запел из гудочка голосок жалобно, печально:

Скоморохи, потихоньку,
Веселые, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белый мох положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Продрожье взяло скоморохов:

- Эко диво, небывалое дело! Гудок человеческим языком выговаривает!

А Вавило-скоморох говорит:

- В этом гудке велика сила и угодые.

Вот идут скоморохи по дороге да в ту самую деревню, где Романушкин дом.

Поколотились, ночь перележать попросились:

- Пусти, хозяин, веселых людей – скоморохов!

- Скоморохи, здесь не до веселья! У нас сын потерялся!

Вавило говорит:

- На-ко ты, хозяин, на гудке сыграй. Не объявится ли тебе какого дива.

Не поспел отец погудальце на гудок наложить, запел из гудочка печальный

Романушкин голосок:

Тятенька, потихоньку,
Миленький, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белые мхи положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Мать-то услышала! Подкосились у нея с колен резвы ноженьки, подломилися с локот белы рученьки, перепало в груди ретиво сердце:

- Дайте мне! Дайте скорее!...

Не поспела мать погудальце на гудок наложить, запел гудок,

завыговаривал:

Маменька, потихоньку,
Родненька, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белый меня мох положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Пала мать на пол, клубышком закаталась... И почто с печали смерть не придет, с кручины душу не вынет!

Сошлась родня и вся порода, собрались порядовные соседи. Ставят перед народом девку Восьмуху и дают ей гудок:

- На-ко, ты играй!

Побелела Восьмуха, как куропать. Не успела погудальце на гудок наложить, и гудок поет грозно и жалобно:

Сестрица, потихоньку,
Родненька, полегоньку!
Ты меня убила,
В белые мхи схоронила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Восьмуха шибла погудальце об пол. Вавило подхватил да стегнул девку в пояс. Она перекинулась вороной, села на подоконник, каркнула три раза и вылетела оконцем.

Скоморохи привели родителей и народ на болото. Вавило повелел снять мох под рябиной...

Мать видит Романушку, бьет ладонями свое лицо белое.

А Вавило говорит:

- Не плачьте! Ноне время веселью и час красоте! Заиграл Вавило во гудочек, а во звончатый во переладец, и народ запел:

Грозная туча, накатыся,
Светлы дожди, упадите!
Романушко, убудися,
На белый свет воротися!

И летает погудало по струнам, как синяя молния. Гременул гром. Над белыми мхами развеличилось облако и упало светлым дождем на Романушку. И ожил дитя, разбудился, от мертвого сна прохватился. Из-под кустышка вставал серым заюшком, из-под белого мха горностаюшком. Людям на диво, отцу-матери на радость, веселым людям – скоморохам на славу.

Мартынка

Мартынка с артелью матросов в море ходил, и ему жира была хорошая. Хоть на работу не горазден, а песни петь да сказки врать мастер, дак все прощали. С англичанами, с норвежанами на пристанях толь круто лекочет, не узнать, что русский. Годы подошли, взяли на военную службу. Послали караульным в стару морску крепость. Место невесело, начальство строго, навеку бедной парень эдак не подчинялся, не покорялся.

Вон оногды на часах у складов и видит: подъехали компания лодкой и учили в футбол играть. Мартына и раззадорило:

- Нате-ко меня!

Ружье бросил и давай с ребятами кубарем летать.

В это время комендантова супруга на балкон сели воздухом подышать. Ей от Мартынова пинка мяч в зубы прилетел и толь плотно сел, дак фельшер до вечера бился, добывал.

Мартынку утром суд. Перва вина, что благородной дамы в рот грезной футбол положил, втора вина – с поста убежал. На ночь замкнули в башню. Башня заброшена – хлам, пыль, крысы, паутина. Бедной арестант поплакал, полежал у порога, и захотелось ему исть. В углу стол. Не заваялось ли хоть сухаря в ящичке? Дернул вытяжку, есть что-то в тряпице. Развернул, – как огнем осветило – карт колода золотых, на них нельзя насмотреться. А в каземат часовой лезет:

- Тебе с огнем играть!!!

Тут на карты обзадорился, тут сели играть. И видит Мартынку – карты сами ходят, сами на хозяина играют. Часовой арестанту в минуту все гроши продул.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: «Я этими картами жить зачну».

Часовому долг простил, выгонил его, в потеменки раму вынял, железно прутье выштал да окном и выпал.

Утром арестанта хватились, а он уже в городе, в порту похаживат. В портерной иностранного кептена присмотрел, ему карты показал. Кептен ум потерял, сел с Мартыном, – не то что деньги, с себя мундир проиграл.

Мартынку говорит:

- За проигрыш перепехни меня за море на своем пароходе.

Вот Мартынку в заграничном городе разгуливат по трактирам да по пивным.

Где карты явит, там люди одичают. Мартынку один с барышом. Денег стало черту на печь не закинуть. Тогда загрустил: «Мне это низко, желаю по своим капиталам в высшее общество». Заказал брюки клеш, портянки сатиновы, нанял такси:

- Вези в трактир, куда первостатейны господа ездят.

Ну, завезли в самолучшей ресторан. Зеркала до потолка, посуда, самовары, публика ослепительно одета.

"А что тако, – думат Мартын, – нисколько не совестно за свои деньги..."

- Эй, молодцы, бутылку водки!

Чтобы ловкость показать – и штопору не взял, а по-мужицки о долонь половинкой как хватит. Пробка соседке в плеш, водка соседу во что ешь...

Тотчас вся зала заверешшала, налетели господа с орденами в лентах:

- Вон отсюда, невежа! Твое место под забором с бродягами распивать!...

- На свои пью, не на ваши!

- Ты понимаешь, куда забрался? Этта генералитет, а которы есть и министры, чай пить соизволяют.

Король приворачиват. Этта рюмка водки рублем пахнет.

Потащили бажоного вон за шиворот. Бажоный затужил:

- Вот как! Вот как!! Набывался в высшем свете.

За прилавок зачалился, карты из-за пазухи вывернул:

- Предлагаю сразиться в картишки.

Эких карт на веку никто не видывал. Лъзя ли отказаться? И проиграла почтенна публика и коней и кореты, и одежду и штиблеты. Мартынка икни брюки да сертуки нафталином посыпат да в ломбард отправлят. Далее удовольился, говорит:

- Содвигай столы! Угощаю пострадавших за свой счет!

Этим генералам да профессорам все одно делать нечего. Голой домой не побежишь. У кого дома телефон, позвонили, чтобы костюм послали, у кого телефона нет, – с запиской лакея турнули, а сами сели закусить. Мартынка выпил и отмяк:

- Друзья! Наша игра не более как милая штука. На фига мне ваши клячи да кареты. Получай обратно ламбардны квитанции. Пущай всяк при своем!

Тут хмель сборол Мартынка. Он поговорил, песенку еще спел да и растянулся на полу.

Дежурной генерал с докладом к королю:

- Явился в ресторане субъект, с первого взгляду малостоящий. Выкинул на прилавок необыкновенные карты и этими картами всех до копейки обыграл. Но проигрыши не только простил, а и всех собравшихся самолучшим питьем и закусками удовлетворил.

Король говорит:

- Эта личность где сейчас?
- Где гулял, тамочки и повалился.

Король туда лично пальнул в легковом автомобиле, спрашивает лакеев:

- Где-ка гостя-то положили?
- Они сами под стол удалились.

Мартына рострясли, душетырного спирту дали понюхать, в сознание привели. Король с им за ручку поздоровался:

- Мимо ехал – и вдруг жажда одолела, не иначе с редьки. К счастью, вспомнил про этот ресторан.

Мартынку осмелел:

- Ваше королевское величие, окажите монаршее внимание с выпитием рюмочки при надлежащей закуске.
- Ха-ха-ха! Вы в состоянии короля угощать?

Мартын сидельцу мигнул, лакеи полон стол наносили. Король сколько сам уписывает, более в чемодан складывает:

- Деточкам свезу гостинчика.
- Не загружайте тары эким хламом, ваше величие. Есть у нас кока с соком в чемодан ложить.
- Это вы не про карты ли?
- Имеются и карты.

Король колоду позадевал:

- Этих картов я и на всемирной выставки не видел.

Сели за зелено сукно. И проиграл король Мартыну деньги, часы, пальто, автомобиль с шофером. Тогда расстроился:

- Тошнехонько машины жалко. Летось на именины ото всей инперии поднесена...

- Ваше величие! Папаша всенародной! Это все была детская забава. Велите посторонним оставить помещение.

Король выпнул публику, заложил двери на крюк, подъехал к Мартынку. Нас бы с вами на ум, Мартына на дело. Говорит:

- Ваше велико! Держава у вас – место самое проходное. В силу вашего географического положения пароходов заграничных через вас плывет, поездов бежит, еропланов с дипломатами летит ужаси сколько. Никакому главному бухгалтеру не сосчитать, сколько через вас иностранного купечества со своима капиталами даром пролетит и проплывет... Ваше велико! Надеюсь, вы убедились, кака сила в моих картах... Поручите мне осударственну печать, посадите меня в главно место и объявите, что без пропуска и штенпеля нету через вашу границу ни пароходу проходу, ни ероплану пролету, ни на машине проезду... Увидаете, что будет.

Король троекратно прокричал ура и объявил:

- Министром финансовым быть хошь?

- Велите, состоим-с!

- Завтра в обед приходи должность примать.

Отвели под Мартына семиэтажной дом, наголо окна без простенков. По всем заборам наклеили, что "через нашу державу без пропуска и министерской печати нет ни пароходу проходу, ни на ероплане пролету, ни на машине проезду".

Вот Мартын сидит в кабинете за столом, печати ставит, а ко столу очередь даже во всю лестницу.

Иностранно купечество, дипломаты – все тут. Новый министр пока штемпель ставит, свои карты будто ненароком и покажет. Какой капиталист эти карты увидал, тот и ум потерял. Не только что наличность у Мартына оставит - сколько дома есть денег, все телеграфом сюда выпишет.

Ну, Мартынкино королевство разбогатело. Сотрудникам пища пошла скусна.

Ежедень четыре выти, у каждой перемены по стакану вина. В каком прежде сукне генералы на парад сподоблялись, то сукно теперь служащи завседенно треплют.

Однако соседним государствам ужасно не понравилось, что Мартынка у них все деньги выманил. Взяли подослали тайных агентов – какой бы хитростью его потушить.

Тут приходит вот како дело рассказать. У короля была дочь Раиска. И она с первого взгляду влюбилась в нашего прохвоста. Где Мартынка речь говорит или доклад делат, она в первом ряду сидит, мигает ему, не может налюбоваться. Из газет, из журналов Мартынкины портреты вырезат да в альбом клеит. Уж так его абажат. А она Мартыну ни на глаза. Он ей видеть не может, бегом от ей бегат. Однажды при публике выразился:

- Эту Раиску увижу, меня так блевать и кинет!

Которые неосторожные слова прекрасно слышали тайны агенты других держав и довели до сведения Раиски... Любовь всегда слепа. Несчастлива девица думала, что ейна симпатия из-за скромности на нее не глядит. А тут, как ужасну истину узнала, нахлопала агентов по харе, также отдула неповинных фрелин и упала в обморок.

Как в себя пришла, агенты говорят:

- Вот до чего довел вас этот тиран. Конечно, дело не наше, и мы этим не антиресуимся, а только напрасно ваш тятенька этого бродягу в главно место посадил. Вот дак министр с ветру наскочил! И вас своими секретам присушил. Такого бы без суда в нужнике давно надо утопить. Но мы вас научим...

Утром получают Мартынка записку:

"Дорогой министр финансов! Пожалуте выпить и закусить к нам на квартиру антиресуимсе каки таки у вас карты известная вам рая".

Мартынка этой Раи боитсе, а не ийти неможно, – что он у ней с визитом не бывал.

Только гость созвонился, агенты за ширмы, а Мартын заходит и от угошшения вежливо отказывается. Заговорили про войну, про погоду. А Раиска речь пересекла:

- Я слыхала, у вас карты есь бутто бы золоты? Я смала охвоча карты мешать.

И зачала она проигрывать деньжонки, кольца, брошки, браслетки, часики с цепочкой – все продула гостю.

Тут он домой сторопился:

- Однако поздно. На прощанье дарю вам обратно ваши уборы. Мне-ка не нать, а вам от папы трепка.

А Раиска нахальне:

- Я бы все одно в суд подала, что у тебя карты фальшивы.

- Как это фальшивы?

Она искусственно захохотала:

- А вот эк!

Выхватила колоду да к себе под карсет.

- Докуль у меня рюмку-другу не выпьете, дотуль не отдам.

Делать нечего. Дорогой гость две-три рюмочки выкушал и и пал на ковер.

В графине было усыпающее зелье. Шпионы выскочили из-за ширмов, раздели сонного догола и кошелек нашли. Тело на худой кляче вывезли далеко в лес и хвоснули в овраг, куда из помойных ям вываливают.

На холоду под утром Мартын очнулся. Все вспомнил:

- О, будь ты проклята, королевнина гостьба! Куда теперь подамся, нагой, без копейки?

Како-то лохмотье вырыл, завесился и побрел лесом. Думат: "Плох я сокол, что ворона с места сбила".

И видит: яблоки растут белого цвету.

- Ах, как пить охота!

Сорвал пару и съел. И заболела голова. За лоб схватился, под рукой два волдыря. И поднялись от этих волдырей два рога самосильных.

Вот так приужахнулся бедный парень! Скакал, скакал, обломить рогов не может. Далё заплакал:

- Что на меня за беды, что на меня за напасти! Та шкура разорила, пристрамила, разболочла, яблоком объелся, рога явились, как у вепря у дикого. О, задавиться ли, утопиться?! Разве я кому надоел? Уйду от вас навеки, буду жить лучше с хичными хехенами и со львами.

Во слезах пути-дороженьки не видит и наткнулся опять на яблоню. Тут яблочки красненьки, красивы.

- Обьистись разве да умереть во младых летах?...

Сгрыз яблоко, счавкал друго, – головы-то ловко стало. Рукой схватился и рога, как шапочку, сронил. Все тело согрелось, сердце звеселилось и напахнула така молодось, дак Мартын на голове ходить годен.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: этих красных молодильных яблоков нарвал, воротился на старо место, рогатых яблоков натряс, склал за пазуху и побежал из лесу.

Дорога в город повела, а Мартынка раздумался:

"В эдаких трепках мне там нельзя показаться. В полицу заберут".

А по пути деревня, с краю домик небольшой – и старуха кривобока крыльцо пашет. Мартынка так умильно:

- Бабушка, дозвоьте в ызбу затти обогреться. Не бойтесь этих ремков, меня бродяги ночесь раздели.

Старуха видит: парень хоть рваной, а на мазурика не похож – и запустила в кухню. Мартынка подает ей молодильного яблока:

- Баба, на-ко съешь!

Баба доверилась и съела.

- Парень, чем ты меня накормил, будто я вина испила?

Она была худа, морщевата, рот ямой; стала хороша, гладка, румяна.

- Эта я ли? Молодец, как ты меня эку сделал? Мне ведь вам нечем платить-то!

- Любезна моя, денег не надо. А нет ли костюма на мой рост – мужнева ли, братнева ли? Видишь, я наг сижую.

- Есь, дитетко, есь!

Отомкнула сундук.

- Это сынишка моего одежонка. Хоть все понеси, андел мой, благодетель!... Оболокайся, я самоварчик согрею.

Мартыну гостить некогда. Оделся в простеньку троечку и в худеньки щиблеты, написал на губы усы, склал свои бесценны яблоки в коробок и пошел в город.

У Раискиных ворот увидал ейну стару фрелину:

- Яблочков не прикажете-с?

- Верно, кисляшши.

- Разрешите вас угостить.

Подал молодильного. Старой девки лестно с кавалером постоять. Яблоко на обе шшоки лижот. И кряду стала толста, красна, красива. Забыла спасибо сказать, полетела к королевны:

- Раичка, я-та кака!

- Машка, ты ли? Почто эка?

- Мушшина черноусой яблочком угостили. Верно, с этого... У их полна коробка.

- Бежи, ростыка, догоняй. Я куплю, скажи: королевна дорого даст!

Мартынка того и ждал. Завернул пару рогатых, подает этой Машки:

- Это для барыни. Высший сорт. Пушшай едят на здоровье. За деньжонками потом зайду.

Раиска у себя в опальны зеркалов наставила, хедричество зажгла, стала яблоки хряпать:

- Вот чичас буду моложе ставать, вот чичас сделаюсь тельна, да румяна, да красавица...

Ест яблоко и в зеркало здрит и видит – на лбу поднелись две росохи и стали матеры, и выросли у королевны рога долги, кривы, кабыть оленьи.

Ну, уж эту ночку в дому не спали. Рога те и пилой пилили, и в стену она бодалась – все без пользы.

Как в зеркало зглянет, так ей в омморок и бросат.

Утром отправили телеграмму папаше, переимали всех яблочных торговцев, послали по лекарей.

Нас бы с вами на ум, Мартына на дело: наклеил бороду, написал морщины, наложил очки. Срядился эким профессором и с узелочком звонится у королевиной квартиры:

- Не здесь ли больная?

- Здесь, здесь!

Раиска лежит на постели, рошшеперя лапы, и рога на лямках подвешаны.

Наш дохтур пошшупал пуп – на месте ли, спросил, сколько раз до ветру ходила, и были ле дети, и были ле родители, и не сумашеччи ле были, и папа пьюшшой ле, и кака пинтература?

Также потребовал молоток, полчаса в пятки и в темя колотил и дышать не велел. Тогда говорит:

- Это вполне научное явление с рогами. Дайте больной съись два куска мыла и ташшыте в баню на снимок.

Она ела- ела, тогда заревела:

- О, беда, беда! Не хочу боле лечицца-а! Лучче бы меня на меленки смололи-и, на глину сожгали, на мыло сварили-и!

Тут Мартын выгонил всех вон и приступил накоротки:

- Я по своей практике вижу, что за некотору подлось вам эта болесь!

- Знать ницего не знаю, ведать не ведаю.

Тогда добрый лекарь, за рога ухватя, зачал ей драть ремнем:

- Признавайся, дура, не обидела ле кого, не обокрала ле кого?!

- О, виновата, тепере виновата!

- В чем виновата?

- У тятенькиного министра карты высадила.

- Куда запехала?

- Под комод.

Мартын нашел карты. Достал молодильные яблоки:

- Ешь эти яблоки!

- О, боюсь, боюсь!

- Ешь, тигра рогатая!

Она яблоко съела, – рога обмякли и отпали; друго съела – красавица стала.

Была черна, суха, стала больша, красна, налита!

Мартышко взглянул, и сердце у него задрожало. Конечно, против экой красоты кто же устоит! Глядел, глядел, дале выговорил:

- Соблаговолите шайку воды.

Подала. Он бороду и краску смыл. Раиса узнала, – где стояла, тут и села. Мартышко ей:

- Рая, понапрасну вы на меня гору каменну несли. Это я из-за многих хлопот не успел вас тогда высмотреть, а тепериче страстно абажаю.

Дальше нечего и сказывать. Свадьба пошла у Мартышка да у Раиски. Песни запели, в гармонь заиграли.

Вот и живут. Мартышко всех в карты обыгрывает, докуль этих карт не украдут. Ну, а украдут, опять и выпнут Мартына.

Пойга и Лиса

Жил юный Пойга Корелянин. Жил житьем у вершины реки. Наехала на него шведка Кулимана [Кулимана, шведка Кулимана – В преданиях карелов сохранилась память о "свейских нагонах" (шведских набегах), которые бывали на Севере в XVI веке. Отсюда сказочная "шведка Кулимана".], дом и оленей схватила.

Пойга и пошел вниз по реке. У Лисьей горы изготовил ловушку и пошел умыться.

Видит – на воде карбас, в нем спят. На берегу девица, не спит. Ночь летняя, сияющая.

Пойга испугался красоты этой девицы:

- Ты не звезда ли утренница?

Она засмеялась:

- Если я звезда, ты, должно быть, месяц молодой. По сказкам, он гоняется за утренней звездой.

- Чья же ты?

- Я дочь вдовы Устьянки. В карбасе моя дружина, пять уверенных старух.

Плавали по ягоды по мамкину указу.

Пойга взмолился к ней:

- Девица, подожди здесь! Я тебе гостинец принесу, лисичку.

Он к ловушкам поспешил к своим – туда залезли Лисьи дети. Он обрадовался: "Не худой будет подарок для девицы".

И тут прибежала Лисья мать. Стала бить челом и плакаться:

- Пойга, милый, отдай мне моих детей!

Он говорит:

- На что много плачешь, Лиса? Мне твое горе внятно. Меня самого шведская Кулимана обидела. Возьми детей.

Пока Лиса да Пойга разговаривали, старух на карбасе заели комары.

Устьянкина дочь и уплыла домой...

Пойга опять идет вниз по реке.

На новый месяц догоняет его Лисья мать. Пойга удивился:

- Ты на кого детей-то бросила?

Лисица говорит:

- Есть у меня родни-то. Это ты один, как месяц в небе. Я тебя женю на дочери вдовы Устьянки. За твое добро тебе добро доспею.

Вот они дошли до Устья. Тут сделали шатер из белого моху. Лисица говорит:

- Пойга, нет ли у тебя хоть медной денежки?

- У меня серебряных копеек пять.

Лисица прибежала в дом к Устьянке и говорит:

- Государыня Устьянка, Пойга, мой сынок, просит мерку-четверик: хочет жито мерить.

- Возьми.

Лисина принесла мерку в шатер, запихала в заклеп две серебряные денежки и несет мерку обратно:

- Государыня Устьянка, дай меру побольше – четвериком мерить долго.

Вдова дала Лисе полмеру и говорит дочери:

- Гляди, в четверике-то серебро застряло. Вот какое "жито" меряют, хитряги!

Лиса опять там в полмеру за обруч вlepила три серебряных копейцы и несет обратно. Устьянка опять заметила серебро, однако виду не подала, спрашивает:

- Для какого случая зерно-то меряли?

- Жениться собирается.

- Пожиточному человеку что собираться? Посватался – и все.

- Государыня Устьянка, я ведь и пришла твою дочку сватать.

Вдова говорит:

- Надобно жениха-то в лицо поглядеть.

Ведет Лисица Пойгу на смотрины и думает: "Не гораздо ты, жених, одет. В чем зверя промышляем, в том и свататься идем". А идут они через болото, по жерди ступают. Лиса и подвернулась Пойге под ноги, он и слетел в болото.

На сухое место выбрался, заплакал:

- Испугается меня теперь невеста. Скажет, черт из болота вылез...

А Лиса над ним впокоточку хохочет:

- Сохни тут, тетеря косолапая! Я хорошую одежду принесу.

Лисица к Устьянке прилетела:

- Как быть, государыня? С женихом-то смех и горе! К вам на смотрины торопился, на болоте подопнулся и ляпнул в грязь. Обиделся, назад пошел.

Вдова зашумела на Лису:

- Как это назад пошел?! Глупая ты сватья! Возьми вот мужа моего одежду.

Пусть переоденется да к нам, к горячим пирогам.

Вот Пойга в дом заходит. Невеста шепнула ему украдкой в сенях:

- Ты виду не показывай, что мы встречались.

Пойга за столом сидит, ни на кого не глядит, только на себя: глянется ему кафтан василькового сукна, с серебряными пуговками.

Вдова и шепчет Лисе:

- Что это жених-то только на себя и смотрит?

Лисица отвечает:

- Он в соболях, в куницах ведь привык ходить. Ему неловко в смирном-то кафтанчике.

Вдова и говорит Пойге:

- Ну, добрый молодец, сидишь ты – как свеча горишь. Не слышно от тебя ни вздора, ни пустого разговора. Ты и мне и дочке по уму, по сердцу, Однако, по обычаю, надо съездить посмотреть твой дом, твоё житье- бытёе.

Пойга смутился: как быть? Ведь дом-то шведка схватила.

А Лиса ему глазком мигает, чтобы помалкивал, и говорит:

- Обряжай, Устьянка, карбас. Возьми в товарищи уверенных людей, и поплывем смотреть житье женихово. Не забудь взять в карбас корабельный рог.

Вот плывет дружина в карбасе: Устьянка с дочкой, Пойга, да Лиса, да пять уверенных старух. Подвигались мешкотно: по реке пороги каменные; однако до вершины добрались.

На заре на утренней Лисица говорит:

- Теперь до нашего житья рукой подать. Я побегу по берегу, встречу приготовлю. А вы, как только солнышко взойдет, что есть силы в рог трубите.

Гребите к нашему двору и в рог трубите неумолчно.

Лисица добежала до Пойгина двора и залезла в дом. Шведка Кулимана еще спит-храпит. По стенам висит и по углам лежит Пойгино добро: шкуры лисьи, куньи, беличьи, оленьи.

В эту пору из-за лесу выглянуло солнце. И по речке будто гром сгремел - затрубили в рог. Кулимана с постели ссыпалась, ничего понять не может.

А Лисица верещит:

- Дождалась беды, кикимора? Это Русь трубит!

Кулимана по избе бегает, из угла в угол суется, лисиц, куниц под печку прячет:

- Ох, беда! Я-то куда? Я-то куда?

Лиса говорит:

- Твои слуги-кнехты где?

Кулимана вопит:

- Кнехты мне не оборона! У стада были, у оленей, а теперь, как русский звук учяли, побежали в запад. Так летят, что пуля не догонит.

Лиса говорит:

- Тебе, чертовка, надо спрятаться. Я при дороге бочку видела. Лезь в эту бочку.

Кулимана толста была, еле запихалась в бочку. Лисица сверху крышку вбила:

- Хранись тут, Кулимана, в бочку поймана. Не пыши и не дыши. Я потом велю тебя в сторонку откатить.

А Пойга с гостями уж по берегу идет и невесту свою за руку ведет. Лиса к нему бежит:

- Гостей ведешь почетных, а на дороге бочка брошена. Ну- ка, гостьюшки-голубушки, спихнем эту бочку в воду, чтоб не рассохлась.

Пять уверенных старух мигом подкатили бочку к берегу и бухнули с обрыва.

Кулимана ко дну пошла. Больше никого пугать не будет.

Устьянка с Пойгой по дому ходит, дом хвалит:

- Дом у тебя как город! И стоит на месте на прекрасном. Моя дочка будет здесь хозяйшкa и тебе помощница.

Вот сколько добра доспела Пойге Лисья мать за то, что он ее детей помиловал.

Пронька Грезной

Были три брата, три американа, и сидели они за морем. Старшой прошел все науки и нажил больши капиталы. Однажды созвал он братьев и говорит:

- Пока сила да здоровье позволят, охота мне белой свет посмотреть и себя показать. Домой не вернусь, покамест славы не добуду.

Братья запричитали:

На кого ты нас оставляешь,
на кого ты нас покидаешь?!
Мы ростом-то велики,
а умом-то мы малы.
Уж мы ляжем да не вовремя,
уж мы встанем да не во пору!

Расстроили старшого:

- Разорвало бы вас, как жалобно сказываετε... Вот вам тысячу золотых на разживу.

Молодцы деньги приняли, благодарно стукнули лбом в половицу и сказали:

- Дорогой брат и благодетель! Ежели не секрет, в каку ты державу прависсе?

- Надумано у меня в российски города.

- Дорогой брат и благодетель! И нам в Америки не антиресно. Тоже охота счастье испытать. Возьми нас с собой.

- Россия страна обширна. Хотите – поезжайте, хотите – нет.

Вслед за старшим братом приезжают эти молоды американы в Питербурх.

Сидят в гостиницы, головы ломают, на како бы дело напуститься. Увидали на столе календарь. В календаре на картины царь написан с дочерями. Эти дочери пондравились.

- Давай посватаемся у царя! Вдруг да наше счастье?

Послали во дворец сватью. А царские дочери были самовольны и самондравны. Кажна по четыре кукиша показала:

- Мы в женихах-то, как в навозе, роемся. Князьев да принцов помахиwам.

На фига нам твои американы, шваль такая!

Младша добавила:

- Не хотят ли на нашей рыжей кобылы посвататься? Она согласна.

Так эта любовь до времени кончилась. Теперь пойдет речь за старшим братом. Он тоже посиживает на квартиры, рассуждат сам с собой:

- Годы мои далеко, голова седа, детей, жены нету, денег не пропить, не происть. Нать диковину выкинуть всему свету на удивленье.

В торговой день от скуки он пошел на толкучку и видит – молодой парень ходит следом и глаз не спускает.

Через переводшика спросил, что надо. Парень не смутился:

- Очень лестно на иностранной державы человека полюбоваться. Костюм на вас первый сорт-с...

Американин портфель отомкнул, в деньгах порылся и подает парню трешку:

- Выпей в честь Америки!

А тот на портфель обзарился, навеку столько денег не видал. Американину смешно:

- Верно, нравятся богатые люди?

- Бедны никому не нравятся.

- Имя ваше как?

- Пронькой ругают.

- Зайдите, мистер Пронька, вечером поговорить ко мне на квартиру.

В показанное время Пронька явился по адресу. Хозяин посадил его в мягки кресла:

- Увидел я, мистер Пронька, велику в тебе жадность к деньгам и надумал держать с тобой пари. Я, американской гражданин, строю на главном прищепте магазин, набиваю его разнообразными товарами и передаю тебе в пользование.

Торгуй, розживайся, капиталы оборачивай, пропивай, проедай... За это ты, мистер Пронька, пятнадцать лет не должен мыться, стричься, бриться, сморкаться, чесаться, утираться, ни белья, ни одежды переменять. Мои доверенны будут твои торговли книги проверять и тебя наблюдать. Ежели за эти пятнадцать лет хоть однажды рукавом утрессе, лишаю тебя всего нажитого и выбрасываю тебя босого на улицу. Ежели же вытерпишь, через пятнадцать лет хоть во ста миллионах будь, все твое бесповоротно. Далее, как ученой человек, буду я про тебя книги писать и фотографом снимать. Вот, мистер Пронька, подумайте!

Мистер Пронька говорит:

- Живой живое и думает. Согласен.

К нотариусу сходили, бумаги сделали, подписи, печати.

Дело, значит, не шутово.

Вот наш счастливец заторговал. Пошли дни за днями, месяцы за месяцами... Первы-то годы Пронька спал по два, по три часа. Товары получают, товары отпускают – из кожи рвется, торгует. В пять годов он под себя дом каменной – железна крыша – поставил. К десяти годам в каждом губернском городе Пронькин магазин, в каждой деревне лавка. Наблюдение за выполнением американин доверил двум своим братьям, несчастным от любви, узнавши, что они не при деле да не при месте.

День за днем, год за годом зарос Пронька, аки зверь, аки чудо морское.

Лицо, руки – чернее башмаков, грива на голове метлой, бородишша свалаялась, лохмотья висят. Летом дождик попадат на голову-то и мытье.

Год за год хлебошшится в грязи, только и порадуетя, что над деньгами.

А денег – всей конторой считают.

Стал Пронька именитым купцом. Ездит на рысаках. Как навозну кучу, повезут по городу. Однако этой куче ото всех почет и уважение. Все у ней в долгу. Сам осударь тысячами назаймовал. К двенадцати-то годам у Проньки на царя полна шкатулка кабальных записей. Вот какую силу мужичонко забрал!

Только своего американца наш капиталист боится. Все терпит. Американец его ежемесячно аппаратом снимает во всяких видах, измеряют, во сколько слоев грязиросло, вшей вычисляют, ежегодно насчет Проньки сочиненье издают. В американских тиматографах стали шевелюющих Пронек показывать. Ну, экой бы славы не все рады.

Год за годом, скоро и сроку конец. И ни разу Пронька с копыл не сбился, ни разу братья-наблюдатели на него слова не нанесли.

Тут соседни державы на царя войной погрозили. Надо крепостям ремонт, надо ерапланы клеить, выпускать удушливы газы. А казна порозна.

Царь Проньки записку:

- Одолжите полдесятка миллиончиков.

Пронька сдумал думушку и не дал. Царь, подождав, посылат министра.

Пронька сказался, что болен. Царь лично прикатил:

- Ты что, сопля пропашша, куражиссе? Как хошь, давай денег!

- Никак не могу, ваше величие! Вы и так в долгу, что в море, – ни дна, ни берегов.

- Хошь, я тебя, бандита, енералом пожалуйю?

- Даже в графы нам и то не завлекательно. А коли до самого дела, дозвольте с вами породниться и вашу дочь супругою назвать.

- Что ты, овин толстой! Что ты, вшива биржа! Да поглядись-ко ты в зеркало...

- В зеркало мы о святках смотряли, и вышло, что воля ваша, царская, а большина наша, купецкая.

У царя губы задрожали:

- Ты меня не заганивай в тоску, сопля пропашша!... А у меня девки-то три, котора нать?

- Каку пожалуете.

- Тогда хоть патрет сресуй увеличенной с твоей рожи. Я покажу, бывает, котора и обзарится. Только имей в виду – в теперешно время нету настоящего художника. Наресуют, дак зубы затрясет.

За мастером дело не стало. В три упряга окончено в красках и приличной раме.

Пронька со страху прослезился:

- Сатаной меня написали... Знают, как сироту избидеть... Уж и каждой-то меня устрасит, уж и всяко-то меня убоится!...

Царь на портрет взглянул, оробел, старших девок кличет:

- Вот, дорогие дочери! Есть у меня про вас жених. Конечно, по внешности так себе, аригинальный старичок, зато комерсант богатеюшшой.

Старша глаза взвела на картину, с испугу в подпечек полезла. Папа ей кочергой добывал и ухватом – все напрасно. Друга дочка сперва тоже заревела, дале сграбилась за раму да с размаху родителю на голову и падела...

Младша дочь явилась, папаша сидит в картины и головой из дыры наворачиват:

- Вот, дорогая дочь, сватается денежный субъект. Не гляди, что грезишша да волосишша, он тебя обажать будет нельзя как лучче...

Девка его пересекла:

- Плевать я хотела, что там обажать да уважать! Ты мне справку подай, в каких он капиталах, кака недвижимость и что в бумагах!...

Она с отчишком зашумела. В те поры старша из подпечка выбралась да к средней сестры катнула:

- Сестрича, голубушка, татка-то одичал, за облизьяна за шорснатого замуж притугинива-а-ат! Убежим-ко во болота во дыбучи, а мы схоронимся в леса да во дремучи!

- В дыру тебя с лесом! Мы в Америку дунем. Черт ли навозного лаптя лизать, когда нас американы дожидаются.

У старшухи слезы уж тут:

Ох, чужедальня та сторонушка,
Она слезами поливана,
Горьким горем огорожена...

- Реви, реви, корова косяя! Вот уже таткин облизьян обнимать придет.

- О, не надо, не надо!

- Не надо, дак выволакивай чемоданы, завязывай уборы да сарафаны! А я фрелину к тем понаведаться сгоняю.

Два брата, два американа рады такому повороту. Ночью подали к воротам грузовик, чемоданы и обеих девок погрузили да и были таковы. Дале и повенчались и в Америку срядились на радостях. Мужья рады дома женами похвастаться. Жены рады, что от Проньки ушли.

Царь как узнал, что дочки к американам упороли, только для приличия поматерялся, про себя-то доволен, что на свадьбу изъяниться не натъ.

Тут Пронькины пятнадцать годов на извод пришли. У него мыло просто и душисто пудами закуплено, мочалок, веников, дресвы возами наготовлено. Везде по комнатам рукомойники медны, мраморны умывальники, а также до потолка сундуков с костюмами зимними, летними, осенними, весенними и прочих сезонов.

В последний нонешний денечек является Пронька к своему американину.

Опять к нотариусу ходили, все договоры разорвали, по закону ни во что положили и любезно распростились. Пронька, что птичка, на волю выпорхнул.

Радость за радостью – царь объявляет о дочкином согласии. Поторговались, срядились. На остатки нареченной жених говорит:

- Итак, через полмесяца свадьба. В венчальной день публика увидит неожиданной сюрприз.

На друго утро он снял под себя городски бани на две недели и пригласил двенадцать человек баншиков и двенадцать паликмахтеров. И вот бани топятся, вода кипит, аки гром гремит, баншики в банны шайки, в медны тазы позванивают. Паликмахтеры в ножницы побрякивают.

Неделю Проньку стригли садовыми ножницами, скоблили скобелем, шоркали дресвой и песком терли. Неделю травили шшолоком, прокатывали мылами семи сортов, полоскали, брили, чесали, гладили, завивали, душили, помадили.

В венчальной день двенадцать портных наложили царскому жениху трахмальны манишки, подали костюм последней париской моды, лаковы шшиблеты и прочее.

И как показался экой жентельмен на публику, дак никто буквально не узнал. А узнали, дак не поверили. Он явился, как написаной, бравой, толстой, красной, очень завлекательной. Царевна одночасно экого кавалера залюбила. До того все козой глядела, а тут приветлива сделалась, говорунья. Свадьба

была - семь ден табуном плясали, лапишшами хлопали, пока в нижней этаж не провалились, дак ишшо там заканчивали.

А Пронькин американин, приехавши на родину, не избежал некоторой неприятности. Американска власть на его заобиделась, что пятнадцать лет в России потратил, эдаки деньги на вшивого мужичонка сбросал.

- Неужели, – власть говорит, – ты за эстолько лет не мог его соблазнить хоть раз сопли утереть?

Тогда достойной субъект показал им пятнадцать научных изданных томов насчет Проньки. Также открыто спросил:

- Разве вы не в курсе, что две особы императорской фамилии вышли замуж за американов и принели американску веру?

Власти говорят:

- Это мы в курсе. Вот этот случай – велика честь. Америка гордицца теми двумя молодцами.

- Дак эти два молодца мои родны братья. Кабы не я да не мой Пронька, им царских-то дочек не понюхать бы!

Публика закричала "ура", тем и кончилось.

Шиш Московский

Шишовы напасти

Жили в соседях Шиш Московский да купец.

Шиш отроду голый, у его двор полой, скота не было, и запирать некого.

Изба большая, – на первом венце порог, на втором – потолок, окна и двери буравчиком провернуты. Сидеть в избе нельзя, да глядеть на ей гоже! Шиш в эдако окошечко глаз впялит да и любитяся.

Именья у Шиша – для штей деревянный горшок да с табаком свиной рожок.

Были липовых два котла, да сгорели дотла.

Зато у купчины домина! Курицы на крышу летают, с неба звезды хватают. Я раз вышел в утрях на крыльцо, а петух полмесяца в зубах волочит.

У купца свинья живет,
двести пудов сала под шкурой несет
да пудов пятьдесят соли в придачу.
Все равно – совру наудачу -
и так никто не поверит...
У купца соха в поле сама о себе пашет,
а годовалый ребенок мельничный жернов
с ладошки на ладошку машет.
А две борзых суки мельницу на гору тянут,
а кляча ихну работу хвалит, себе на спину
мельницу валит, кряхтит да меня ругает.
- Мне, – говорит, – твое вранье досаждает!
Всего надобно впору,
а ты наплел целу гору!

Это, светы мои, присказка, а дело впереди.

Пришла зима, а дров у Шиша ни полена, и притянуть не на чем. Пришел к купцу, конается:

- Не дайте ли коняшки в лес съездить?

Купец покуражился немного, однако лошадь отпустил.

- Бери, пейте мою кровь, летом отработаешь. Чувствуй, что я отец и благодетель. Что ише мнессе?

- Хомута, пожалста, не соблаговолите ли ише хомута?

- Тебе хомута?! А лаковой кореты ише не надо? А плюшево одеяло ножки накрыть не прикажете-с?

Так и не дал хомута.

Шиш привел кобылу домой, вытащил худы санишки о трех копылишках и поехал в лес. Нарубил дров, наклал большашшой воз, привязал кобыле за хвост да как зыкнет... Лошадь сгорячахватила да себе хвост и оборвала. Сревел Шишанко нехорошим голосом, да нечего делать!

Повел кобылу к хозяину:

- Вот получите лошадку. Покорнейше благодарим-с!

Купец и увидел, что хвоста нет:

- Лошадку привел? Иде она, лошадка?

- Вот-с, извиняюсь...

- Это, по-вашему, лошадка? А я думал – зайчик, без фоста дак... Только и у зайчика намечен известной фостик, а тут фостика нет... Может, это ведьмедь?! Но мы ведьмедев боимся!...

В суд, в город, того же дня поташшил купец Шиша.

Надо идти по мосту. Железнодорожный мост матерушкой через реку. Ползет бедной Шишанушко, а у его дума думу побиват:

"Засудят... Сгноят в остроге... Лучше мне скорополучно скончачче, стукнучче об лед да..."

Разбежался, бедняга, да и ухнул вниз, через перила... А под мостом по льдю была дорога. И некоторой молодой человек на ту пору с отцом проезжал.

Шишанко в окурат в сани к им и угодил да на один взмах отца-то до смерти и зашиб...

Несчастной сын сгреб Шиша -да тоже в суд.

Тут кряду отемнело, до городу не близко, приворотили и Шиш, и купец, и парень на постоялой, ночь перележать. Наш бедняга затянулся на полати. Ночью ему не спится, думы тяжелы... Ворочался да с полатей-то и оборвался. А под полатами зыбка с хозяйским робенком. Робенка Шиш и задавил. Робенковы родители зажили, запели. И они на Шиша в суд. Теперь трое на его ногти грызут. Один за коня, другой за отца, третий за младеня.

Едет Шиш на суд. Грустно ему:

- Прости, прошшай, белой свет! Прошшайте, все мои друзья! Боле не видачче!

Не знат, что и придумать, чем оправдаться или чем пригрозить... На случай взял да и вывернул из шассе булыжник. Завернул в плат и спрятал за пазуху.

У судьи в приказе крык поднялся до потолка. Купец вылез, свое рассказывает, в аду бедному Шишу места не дает...

Судья выслушал, зарычал на Шиша:

- Ты что, сопляк?! По какому полному праву хвост у их оторвал?

Шишанко вынул из-за пазухи камень в платке да на ладони и прикинул два-три раза. Судье и пало на ум: "Ух, золота кусок у мужика!... Это он мне золото сулит..."

И говорит:

- Какой несимпатичный факт!... Выдернуть у невинной животной фост...

Ваше дело право, осподин купец! Пушшай оной Шиш Московской возьмет себе вашу кобылу и держит ее, докуль у ей фост вырастет... Секлетарь, поставь печать! Купец и ты, Шиш Московской, получите копии решения.

Подкатился отецкой сын. Судья спрашивает:

- Ты пошто ревишь? На кого просишь?

- Все на их жа, на Шиша-с! Как они, проклятики, папу у меня скоропостыжно задавили.

- Как так?

- У нас, видите ли, папа были утлы, стары, в дело не гожи, дак мы везли их в город на комиссию сдавать. И токмо из-под мосту выехали, а они, дьявола, внезапно сверху пали на папу, папа под има скоропостыжно и скончались!

Судья брови насупил:

- Ты что это, Шиш голай? Родителей у проезжающих давить? Я тебя...

Шишанко опять камень в платке перед судьей и заподкидывал. Судья так понял, что опять золото судят.

И говорит:

- Да! Какой бандитизм! Сегодня папу задавил, завтра маму, послезавтра опять папу... Дак это что будет?! Опосле таких фактов из квартиры вытти страшно... Вот по статьям закона мое решенье: как ты, Шиш Московской, ихного папу кокнул, дак поди чичас под тот самой мост и стань под мостом ракообразно, а вы, молодой человек, так как ваше дело право, подымитесь на мост да и скачите на Шиша с моста, пока не убьете. Секлетарь поставит вам печать... Получите...

Безутешный отец выскочил перед судью:

- Осподин судья, дозвольте всесторонне осветить... Оной злодей унистожил дитятю. Рехал-рехал на полатях, дале грянул с вышины, не знай с какой целью, зыбку – в шшепы и, конечно, дитятю.

Шиш затужил, а платок с камнем судьи кажет. Судья ему мигат - понимаю-де, чувствую... И говорит:

- Этот Шиш придумал истреблять население через наскоки с возвышенных предметов, как-то: мостов, полатей и т. п. Вот какой новой Жек Патрушитель! Однако Хемида не спит! Потерпевший, у тв жена молода?

- Молода, всем на завидось она!

- Да в, ежели один ребенок из-за Шиша погиб, да обязан оной Шиш другого представить, не хуже первого. Отправь свою молодку к Шишу, докуль нового младеня не представят... Секлетарь, ставь печати! Обжалованию не подлежит. Присутствие кончено.

Шишове истцы стали открыто протестовать матом, но их свицары удалили на воздух. Шиш говорит купцу:

- Согласно судебного постановления дозвольте предъявить лошадку нам в пользование.

- Получи, гадюга, сотню и замолкни навеки!

- Не жалаю замолкать! Жалаю по закону!

- Шишанушко, возьми двести! Лошадка своерошшена.

- Давай четыреста!

Поладили.

Шиш взялся за отцекого сына:

- Ну, тепер ты, рева Киселева! Айда под мост! Я на льдю встану короушкой, на четыре кости, значит, а ты падай сверху, меня убивай...

- Братишка, помиримся!

- Желаю согласно вынесенного приговора!

- Голубчик, помиримся! На тебя-то падать с экой вышины – не знай, попадешь, нет. А сам-то зашибусе. Возьми, чем хошь. Мне своя жисть дороже.

- Давай коня с санями, которы из-под папы, дак и не обидно. Я папу в придачу помяну за упокой.

Сладились и с этим. Шиш за третьего взялся:

- Ну, ты сегодня же присылай молодку!

- Как хошь, друг! Возьми отступного! Ведь я бабу тебе на подержанье дам, дак меня кругом осмеют.

- Ты богатой, у тебя двор постоялой, с тебя пятьсот золотыми...

Плачет, да платит. Жена дороже. Только все разошлись, из суда выкатился приказной – и к Шишу:

- Давай скорее!

- Что давай?

- Золото давай скорее, судья домой торопится.

- Како золото, язи рыба?!

- А которо из-за пазухи казал...

- Вы что, сбесились? Откуль у меня быть золоту? Это я камнем судьи грозил, что, мол... так -да так, а нет – намеки излишны. Пониме?

Приказного как ветром унесло. Судье докладывают Шишовы слова... Тот прослезился:

- Слава тебе, осподи, слава тебе! Надоумил ты меня сохраниться от злодея!

Куричья слепота

Недалеко от Шишова дома деревня была. И была у богатого мужика девка.

Из-за куриной слепоты вечерами ничего не видела. Как сумерки, так на печь, а замуж надо. Нарядится, у окна сидит, рожу продает.

Шиш сдумал над ней подшутить.

Как-то, уж снежок выпал, девка вышла на крыльцо.

Шиш к ней:

- Жаланнушка, здравствуй.

Та закланялась, запохохатывала.

- Красавушка, ты за меня замуж не идешь ли?

- Гы-гы. Иду.

- Я, как стемнеет, приеду за тобой. Ты никому не рассказывай смотри.

Вечером девка услышала – полоз скрипнул, ссыпалась с печки. В сенях наверх на себя одежды -да к Шишу в сани. Никто не видал.

Шиш конька стегнул – и давай крутить вокруг девкиного же дома. Она думает: ух, далеко уехала!

А Шиш подъехал к ее же крыльцу:

- Вылезай, виноградинка, приехали. Заходи в избу.

- Да я не знаю, как к вам затти-то. Вечером так себе вижу.

- У нас все как у вас. И крыльцо тако, и сени... Заходи -да на печь, а я коня обряжу.

Невеста с коня, а Шиш дернул вожжами -да домой.

А девка на крыльцо, в сени, к печи... На! – все как дома...

Сидит на печи. Рада, ухмыляется. Только думает: "Что же мужня-то родня?

По избе ходят, говорят, а со мной не здороваются..."

Домашние на нее тоже поглядывают:

- Что это у нас девка-та сегодня, как именинница?...

А она и спать захотела. Давай зевать во весь рот:

- Хх-ай да бай! Хх-ай да бай! Вы что молчите? Я за вашего-то парня замуж вышла, а вы, дики, ничего и не знаете?!

Отец и рот раскрыл.

- Говорил я тебе, старуха, – купи девке крес, а то привяжется к ней бес!...

Шиш и трактирщица

По свету гуляючи, забрел Шиш в трактир пообедать, а трактирщица такая вредня была, видит: человек бедно одет – и отказала:

- Ничего нет, не готовлено. Один хлеб да вода.

Шиш и тому рад:

- Ну, хлебца подайте с водичкой.

Сидит Шиш, корочку в воде помакивает да посасывает. А у хозяйки в печи на сковороде гусь был жареный. И одумала толстуха посмеяться над голодным прохожим.

- Ты, – говорит, – молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в Печной уезд, в село Сквородкино, не знавал ли господина Гусева-Жареного?

Шиш смекнул, в чем дело, и говорит:

- Вот доем корочку, тотчас вспомню...

В это время кто-то на хорошем коне приворотил к трактиру. Хозяйка выскочила на крыльцо, а Шиш к печке; открыл заслонку, сдернул гуся со сковороды, спрятал его в свою сумку, сунул на сковороду лапоть и ждет...

Хозяйка заходит в избу с проезжающим и снова трунит над Шишом:

- Ну что, рыжий, знавал Гусева-Жареного?

Шиш отвечает:

- Знавал, хозяйшка. Только он теперь не в Печном уезде, село Сквородкино, живет, а в Сумкино-Заплечное переехал.

Вскинул Шиш сумку на плечо и укатил с гусем. Трактирщица говорит гостю:

- Вот дурак мужик! Я ему про гуся загадала, а он ничего-то не понял...

Проходите, сударь, за стол. Для благородного господина у меня жаркое найдется.

Полезла в печь, а на сковороде-то... лапоть!

Шиш приходит учиться

Шиш бутошников-рогатосников миновал, вылез на площадь. Поставлены полаты на семи дворах. Посовался туда-сюда. Спросил:

- Тут ума прибавляют?

- Тут.

- Сюда как принимают?

- Экзамен сдай. Эвон-де учительвы избы!

Шиш зашел, котора ближе. Подал учителю рубль. Учитель – очки на носу, перо за ухом, тетради в руках – спросил строго:

- Чего ради семо прииде?

- Учиться в грамоту.

- Вечеру сущу упразднюся, тогда сотворю тебе испытание.

После ужина учитель с Шишом забрались на полати.

Учитель говорит:

- Любезное чадо! Грабисся ты за науку. А в силах побои терпеть? Без плюхи ученье не довлеет. Имам тя вопрошати, елика во ответах соврешь, дран будешь много. Обаче ответствуй, что сие: лапкой моется, на полу сидяще?

- Кошка!

Учитель р-раз Шиша по шее...

- Кошка – мужицким просторечием. Аллегорически глаголем – чистота...

Рцы паки, что будет сей свет в пещи?

- Огонь!

Р- раз Шишу по уху:

- Огонь глаголется низким штилем. Аллегорически же – светлота. А како наречеши место, на нем же возлегохом?

Шиш жалобно:

- Пола-ати.

Р- раз Шиша по шее:

- Оле, грубословия твоего! Не полати, но высота!... На конце восписуй вещь в сосуде, ушат именуемом.

- Вода.

Р- раз Шиша по уху:

- Не вода, но – благодать!

Я тут не был, не считал, сколько оплеух Шиш за ночь насобирает. Утром учитель на улку вышел, Шиш кошку поймал, ей на хвост бумаги навязал, бумагу зажег. Кошка на полати вспорхнула, на полатях окутка зашаяла, дыму до потолка... Шиш на крыльцо выскочил. Хозяин гряды поливает. Шиш и заревел не по-хорошему:

- Учителю премудре! Твоя-то чистота схватила светлоту, занесла на высоту, неси благодать, а то ничего не видать!!!

Сам ходу задал, – горите вы с экрой наукой!

Шиш складывает рифмы

Тацился Шиш пустынной дорогой. Устал... И вот обгоняет его в тарантасе незнакомый мужичок. Шишу охота на лошадке подъехать, он и крикнул:

- Здорово, Какойто Какойтович!

Мужичок не расчухал в точности, как его назвали, но только лестно ему, что и по отчеству взвеличили. Тотчас попрдержал конька и поздоровался.

- Что, – спрашивает Шиш, – аль не признали?

Мужичок говорит:

- Лицо будто знакомое, а не могу вспомнить...

- Да мы тот там год на даче в вашей деревне жили.

- А-а-а!... Извиняюсь!... Очень приятно-с!

- Как супруга ваша? – продолжает Шиш.

- Мерси. С коровами все... Да вы присядьте ко мне, молодой человек.

Подвезу вас.

Шишу то и надо. Забрался в тарантас, давай болтать. Обо всем переговорил, а молча сидеть неохота. И говорит Шиш спутнику:

- Хозяин, давай рифмы говорить?!

- Это что значит рихмы?!
- Да так, чтобы было складно.
- Ну, давай.
- Вот, например, как звали твоего деда?
- Кузьма.
- Я твоего Кузьму за бороду возьму!...
- Ну, уж это довольно напрасно! Моего дедушку каждый знал да уважал. Не приходится его за бороду брать.
- Чудак, ведь это для рифмы. Ну, а как твоего дядю звали?
- Наш дядюшка тоже были почтенные, звали Иван.
- Твой Иван был большой болван!

Шишов возница рассвирепел:

- Я тебя везу на своем коне, а ты ругаться!... Тебя как зовут?
- Леонтий.
- А Леонтий, так иди пешком!
- Дяденька, это не рифма...
- Хоть не рихма, да слезай с коня!

Дядька с бранью уехал, а Шишу остаток пути пришлось пройти пешком. И смешно, и досадно.

Праздник Окатка

Смолоду-то не все же гладко было у Шиша. Ну, беды мучат, да уму учат.

Годов-то двадцати пришвартовался он к некоторой мужней жене. Муж из дома
- Шишанко в дом.

Собрался этот муж в лес по бревна.

- Жена, с собой чего перекусить нет ли?

Она сунула корок сухих.

- Жена, неужели хлеба нету помягче, с маслицем бы?

- Ладно и так. Не маслена неделя.

Муж уехал, а к ней Шишанушко в гости. Засуетилась, блинов напекла гору, масла налила море, щей сварила.

А у мужа колесо по дороге лопнуло, он сторопился домой. Жена видит в окно:

- О, беда! Мой-то хрен без беды не ездит. Ягодка, ты залезь в кадку, она пустая... Он скоро колесо сменит...

Муж заходит:

- Колесо сменить вернулся... Ишь как у тебя дородно пахнет. Дай закусить.

Жена плеснула щей.

- Я блинка любил бы...

- Блины к празднику.

Взяла миску с блинами и выпружила в кадку спрятанному Шишу.

- Жена! Ты что?!

- Сегодня праздник Окатка – валят блины в кадку...

Муж и догадался. Схватил чугунок со щами:

- Жена, ты блины, а я для праздника, для Окатка, щей не пожалею.

И чохнул горячими щами в кадку. Шишанко выгалил оттуда на сажень кверху

- да из избы...

Бочка

В каком-то городе обзадорилась на Шиша опять мужня жена. Одним крыльцом благоверного проводит, другим Шиша запустит.

Однажды муж нежданно и воротился. Куда друга девать? А в избе бочка лежит. Туда Шиш и спрятался, да только сапоги на виду.

Муж входит – видит сапоги...

- Жена, это что?!

- А вот пришел какой-то бочку нашу покупать, залез посмотреть, нет ли щелей... Продадим ему, нам бочка без пользы... Эй, молодец! Ежели высмотрел, вылезай, сторгуйся с хозяином!

Муж не только что бочку продал, а и до постоянного двора домой нести Шишу пособил...

Шти

Одна Шишова любушка крепко его к другой ревновала. Бранить не бранила, а однажды с горя шуточку придумала.

Поставила ему шти с огня, кипячие.

Да забылась, хлебнула поваренку на пробу и рот обварила. Не стерпела - заревела.

Шиш дивится:

- Ты чего? Обожглась?

А эта баба крепка была:

- Не обожглась, а эдаки шти маменька-покоенка любила. Как сварю, так и плачу...

А Шишу в путь пора. Ложку полную хватил и... затряс руками, из глаз слезы побежали. Ехидна подружка будто не понимает:

- Что ты, желанный? Неуж заварился?

- Нет, не заварился, а как подумаю, что у такой хорошей женщины, как твоя была маменька, така дочка подла, как ты, дак слезы ручьем!

Тили-тили

Какой-то день прибежали к Шишу из волости:

- Ступай скорее. Негрянин ли, галанец приехал, тебе велено при их состоять.

Оказалось, аглицкой мистер, знающий по-русски, путешествует по уезду, записывает народные обычаи и Шишу надо его сопровождать. На Шише у всех клином свет сошелся.

Отправились по деревням. Мистер открыл тетрадку:

- Говорите теперь однажды!

Шиш крякнул:

- Наш первой обычай: ежели двоим по дороге и коняшку нанять жадничают, дак все одно пеши не идут, а везут друг друга попеременно.

Мистер говорит:

- Ол райт! Во-первых, будете лошадка вы. Я буду смотреть на часы, скажу "стоп".

- У нас не по часам, у нас по песням. Вот сядете вы на меня и запоете.

Доколь поете, я вас везу. Кончили – я на вас еду, свое играю.

Стал Шишанушко на карачки. Забрался на него мистер верхом, заверещал на своем языке песню: "Длинен путь до Типперери..." Едут. Как бедной Шиш не сломался. Седок-от поперек шире. Долго рывкал. Шиш из-под него мокрехонек вывернулся. Теперь он порхнул мистеру на загривок.

- Эй, вали, кургузка, недалеко до Курска, семь верст проехали, семьсот осталось!

Заперебирал мистер руками-ногами, а Шиш запел:

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!...

Мистер и полчаса гребет, а Шишанко все нежным голосом :

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!...

У мистера три пота сошло. Кряхтит, пыхтит... На конце прохрипел:

- Вы будете иметь окончание однажды?

Шиш в ответ:

- Да ведь песни-то наши... протяжны, проголосны, задушевные!

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!...

Бедный мистер потопал еще четверть часика да и повалился, – где рука, где нога:

- Ваши тили-тили меня с ног свалили!

Шиш пошучивает у царя

Всех Шишовых дел в неделю не пересказать. Про Шиша говорить – голова заболит. Про Шиша уж и собаки лают. Здесь я от большого мало возьму, от многа немножко расскажу.

Ходил Шиш, сапоги топтал, версты мерял. Надоело по деревням шляться. В город справил. Чья слава лежит, а Шишова вперед бежит. Где Шиш, там народу табун.

Это увидал из окна амператор:

- Что за народ скопивши?

- Это парнишка один публику утешает-с.

- Не Шиш ли?

- Так точно-с.

- Позвать сюда!

Шиша привели. Царь сразу над ним начал сгогатывать:

- Ты в татку ле в матку, в кого ты экой? Сшути-ко мне шутку позазвонисте. Выкради из-под меня да из-под моей супруги перину. Выполнишь задание – произведу тебя в жандармерию и твой патрет – во все газеты.

Сплошаешь – в Сибири сгною!...

Только Шиш за двери – амператор своим караульщикам ружья выдал:

- Мы с Шишом Московским об заклад побились. Перину из-под меня придет воровать. Спальню нашу караульте день и ночь!

Шиш выбрал ночку потемнее и в щель дворцового забора стал охрану высматривать. Видит – дремлют под спальными окнами, вора ждут. Людей бы на ум, а Шиша на дело.

Он дунул на огороды, выдернул с гряды пугало, опять к тому же забору примостился, вызнял пугало кверху – и ну натряхивать...

Это караульщики и увидели:

- Ребята, не робей! Вор пришел! Через тын лезет...

- Рота-а, пли!!!

Шиш того сразу пугало удернул. Будто убили. А стража радехонька:

- Ну, ребята, мертвое тело оттуль завтра уберем. А теперь на боковую.

Боле некого ждать.

Только они восвояси утянулись, Шиш через забор да в поварню. Стряпки спят. На печи в горшке тесто подымается, пузырится. Шиш с этой опарой да в царскую спальню окном.

Царь с царицей на перине почивают. Царь истолста храпит, царица тихонько носом выводит...

Шиш на перстышках подкрался да как ухнет им опару ту под бок...

Сам с подоконника – и в кусты...

Вот царица прохватилаь:

- О-о, тошнехонько! Вставай-ка ты, омморок!... Эво как обделался!

Меня-то всю умарал!

- Нет, гангрена! Это ты настряпала!...

До третьих петухов содомили. Тут царица одумалась:

- Давай лучше выкинем перину-то на подоконник, на ветерок, а сами соснем еще часиков восемь.

Только они музыку свою завели – захрапели, Шиш перину в охапку да со двора. На извозчика да домой.

Навстречу бабы-молочницы:

- Шиш, куда полетел?

- У нас дома не здорово! Таракан с печи свалился.

Царица рано вскочила:

- Что я, одичала – сплю! Министры перину увидят – по всей империи ославят...
На!!! Где перина-та???

Фрелины Машки, Дашки забегали, заискали.

Царя разбудили... Его и горе берет и смех долит.

- Полковник! Запрягай коня, скачи к Шишу. Он меня в дураках оставил...

Ох, в землю бы я лег да укрылся!...

Полковник на добра коня -да пулей в деревню, к Шишову дому. Не поспел наш Шишанушко увернуться. Начальство на дворе.

Людей бы на ум, а Шиша на дело. Он в клеть, достал бабкин наряд:

сарафан, жемчужную повязку, ленты – накрутился и – в горницы. Полковник там.

Видит -девица заходит, личиком бела и с очей весела.

Шпорами брякнул:

- Вы... видно, сестра?

- Да... сестра Шишова...

Забыл полковник, зачем приехал. Около этой сестры похаживает, похохатывает. Шиш думает – пронеси бог тучу мороком...

- Вы бы по лесу его, прохвоста, искали...

- Хе-хе-хе! Мне и тут приятно-с!

Шиш бутылку откупорил: "Напьется пьян – убежу..."

А тот охмелел, хуже стал припадать:

- Желаю с вами немедленно законным браком.

О, куда от этого жениха деться?...

На шаг не отпускает. Сиди рядом. Стемнело.

Полковник велит постель стлать. Попал гвоздь под молот. Над другими Шиш шуточки шутит, а над собой их не любит.

Только у Шиша уверток – что в лесу поверток. Он давай руками сарафан ухлапывать.

- О, живот схватило! О; беда! На минутку выпустите меня...

- Убежишь?

- Что вы, у нас рядом! Вы даже для верности подол в дверях зажмите.

Полковник выпустил эту невесту в сени, а подолешко в притвор. Сидит ждет.

Шиш того разу из сарафана вывернулся да вместо себя козу и впряг в эти наряды. Сам шубенку на плечи, шапку на голову, котомку в руки -да и... поминай как звали.

Полковник слышит -коза у дверей топчется, думает – невеста:

- Милочка, ты что долго?

- Б-э-э-э!

... Двери размахнул, а в избу коза в сарафане. Полковник через нее кубарем -да на коня, да в город. Потом год на теплых водах от родимца лечился.

Судное дело Ерша с Лещом

Зачинается-починается сказка долгая, повесть добрая.

Ходило Ершишко, ходило хвастунишко с малыми ребятишками на худых санишках о трех копылишках по быстрым рекам, по глубоким водам. Прожился Ерш, проскудался. Ни постлать у Ерша, ни укутаться, и в рот положить нечего.

Приволокся Ерш во славное озеро Онего. Володеет озером рыба Лещ. Тут лещи – старожилы, тут Лещова вотчина и дедина со всем родом-племенем.

Закланялось Ершишко рыбе Лещу. Ерш кланяться горазд: он челом бьет, затылком в пол колотит:

- Ой еси, сударь рыба Лещ! Пусти меня, странного человека, на подворье ночь переночевать. За то тебя бог не оставит, родителям твоим царство небесное...

Пустил Лещ Ерша ночь обночевать.

А Ерш ночь ночевал, и две ночевал... Год жил, и два жил!... И наплодилось в озере Онеге ершей втрое, впятеро против лещей. А рыба ерш ростом мала, да щетина у ей, как рогатины. Почали ерши по озеру похаживати, почали лещей под ребра подкалывати. Три года лещи белого свету не видали, три года лещи чистой воды не пивали.

С этой напасти заводилась в озере Онеге бой-драка великая.

Бились-дрались лещи с ершами от Петрова до покрова. И по этой лещовой правде взяли лещи Ерша в полон, рот завязали, к судье привели.

Судья – рыба Сом с большим усом – сидит нога на ногу.

Говорит Лещ:

- Вот, господин судья... Жили мы, лещи, в озере Онежском, ниоткуда не избижены. Озеро Онего век было Лещова вотчина и дедина. Есть у меня на это письма, и грамоты, и судные записи. Откуль взялся в озере Онеге Ершишко Щетинников, не ждан, не зван? Лисий хвост подвесил, выпросился у меня в Онеге ночь перележать. И я за его сиротство, ради малых ребят на одну ночь пустил. А он, вор, ночь ночевал, и две ночевал. Год жил, и два жил... И теперь ершей в озере впятеро больше против нас, лещей. Да та худа рыба ерши ростом мала, а щетина у их, что лютые рогатины. И они по озеру нахвально похаживают, лещей под ребра подкалывают. Наши деушки-лещихи постатно себя ведут, постатно по улочке идут, а ерши наших девок худыми словами лают. С этой беды заводилась у нас с ершами драка немилостива, и по моей Лещовой таланести взяли мы Ершишко Щетинникова в полон и к тебе привели: сидите вы, судьи, на кривде, судите по правде!

Говорит судья – рыба Сом:

- Каки у тя, Леща, есть свидетели, что озеро ваше, лещово?

Лещ говорит:

- Нас, лещей, каждый знает. Спроси рыбу Семгу да рыбу Сига. Живут в озере Ладожском.

Спрашивает судья Ерша:

- Ты, ответчик Ерш, шлесся ли на таковых Лещовых свидетелей, Семгу да Сига?

Ерш отвечает:

- Слаться нам, бедным людям, на таковых самосильных людей, Семгу и Сига, не мочно. Рыба Семга да рыба Сиг люди богатые. Вместе с лещами пьют и едят. И хотят они нас, малых людей, изгубить.

Судья говорит:

- Слышишь, истец Лещ. Ерш отвод делает... Еще какие у тебя есть свидетели-посредственники?

Лещ говорит:

- Еще знают мою правду честна вдова Щука да батюшко Налим. Живут в Неве-реке, под городом Питером.

Спрашивает судья Сом:

- Честна вдова Щука да батюшко Налим тебе, Ершу, годны ли в свидетели?

Ерш в уме водит: "Рыба Налим – у его глаза малы, губища толсты, брюхо большо, ходить тяжело, грамотой не доволен. Он не пойдет на суд. А Щука - она пестра, грамотой востра, вся в меня, в Ерша. Она меня не выдаст".

И Ерш говорит:

- Честна вдова Щука да батюшко Налим-то общая правда, на тех шлюся.

Посылает судья – рыба Сом – Ельца-стрельца, пристава Карася, понятого Судака по честну вдову Щуку, по батюшку Налима.

Побежали Елец-стрелец, пристав Карась, понятой Судак из Онега-озера на Ладогу, с Ладоги на матушку Неву-реку. Стали щупать, нашли Щуку. Учали батюшку Налима искать. День искали и два искали, не пили не ели и спать не валились. На третьи сутки -день к вечеру, солнце к западу – увидали под островом Васильевским колодину. Колодину отворотили – под колодиной батюшко Налим сидит.

Елец- стрелец, пристав Карась, понятой Судак челом ударили:

- Здравствуешь, сударь-батюшко Налим! Зовет тебя судья – рыба Сом с большим усом – во славное озеро Онего во свидетели.

- О-о, робята! Я человек старой, у меня брюхо большо, мне идтить тяжело, язык толстой, непромятой, глаза малы -далеко не вижу, перед судьями не стаивал, у меня речь не умильна... Нате вам по гривенке. Не иду на суд!

Привели на суд Щуку.

Суд завелся.

Вот судья – рыба Сом – сгремел на Ерша:

- Сказывай, ответчик Ерш, каки у тя на Онежское озеро есть письма и крепости, памяти и грамоты?

И Ерш ответ держит:

- У моего-то папеньки была в озере Онежском избишка, в избишке были сенишки, в сенишках была клетишка, а в клетишке сундучишко под замчишком. В этом сундучишке под замчишком были у меня, доброго человека, книги, и грамоты, и судные записи, что озеро Онего – наша, ершова вотчина. А когда, грех наших ради, наше славное Онего горело, тогда и тятенькина избишка, и сенишки, и клетишка, и сундучишко под замчишком, и книги, и грамоты, и судные записи – все сгорело, ничего вытащить не могли.

В те поры Леща, и Щуку, и всех добрых людей, которые рыбы из озера Онега, горе взяло:

- Врешь ты, страхиля! Нища ты коробка, кисла ты шерсть! Наше славное озеро Онего на веку не гарывало, а у тебя, у бродяги, там избы не бывало!

А Ерша стыд не имеет. Он заржал не по-хорошему да опять свое звонит:

- Был у моего тятеньки дворец на семи верстах, на семи столбах. На полатях бобры, под полатями ковры – и то все пригорело... А нас, ершей, знают в Питере, и в Москве, и в Соломбальской слободе, и покупают нас, ершей, дорогою ценою. И варят нас с перцем и с шафраном, и великие господа, с похмелья кушавши, поздравляют...

И честна вдова Щука не стерпела:

- Нищая ты копейка! На овчине сидишь, про соболи сказываешь! Тридцать ты лет под порогом стоял, куски просил. А кто тебя, Ерша, знает да ведает, тот без хлеба обедает. Останется у голи кабацкой от пропою копейка, дак на эту копейку вас, ершей, сотню купят. А и уху сварят – не столько наедят, сколько расплюют.

И Ерш к Щуке подскочил и ей плюху дал:

- Вот тебе раз! Другой бабушка даст!

И Щука запастила во весь двор:

- Караул, убивают! А озеро Онега век было Лещово, а не Ершово! Лещово, а не Ершово!

Судья возгласил:

- Быть по сему! Получай, Ерш, приказ от суда: уваливай из озера Онега.

Ерш в ответ:

- На ваши суды плюю и сморкаю!

И Ерш хвостом вернул, головой тряхнул, плюнул в глаза всей честной братии, только его и видели.

Пошел Ершишко, пошел хвастунишко на худых санишках о трех копылишках с малыми ребятишками по быстрым рекам, по глубоким водам. По пути у Леща в дому все окончательно выхвостал...

Из Онега-озера Ерш на Белоозеро, с Белоозера в Волгу-реку.

Река Волга широка и долга.

Стоит в Волге-реке Осетер. Тут Осетрова вотчина и дедина.

Закланялось Ершишко рыбе Осетру, челом бьет, затылком в пол колотит:

- Ой еси, рыба Осетер! Пусти меня в Волге-реке одну ночь перележать. За то тебя бог не оставит. Родителям вашим царство небесное...

А рыба Осетер хитра и мудра. Она знает Ерша.

- Не пущу!

Ерш на него с кулаками. Ерша схватили, с крыльца спустили.

Ерш придумывает: "Рыба Осетер хитра-мудра, а если будет вода мутна, Осетер в гости пойдет и невода не минует".

Начал Ерш Волгу-матушку со дна воротить, с берегов рыть. Волга-река замутилась, со желтым песком смешалась.

Стали люди поговаривать:

- О, сколько рыбы поднялось! Воду замутили...

Люди невод сшили, стали рыбу промышлять. А рыба Осетер хитра-мудра:

видит, вода мутна – и она дома сидит, в гости не ходит.

Это Ершу хуже ножа. Он мимо Осетровых хором свищет, рад оконцы выстегать.

- Эй ты, Осетрина, старая корзина! Отпирай окна и двери, будем драться четыре недели. И я тебе голову оторву. Схожу сейчас пообедаю и приду тебя, Осетра, убивать.

Пошел Ершишко обедать да и попал в невод. Из невода в медный котел. Уху из Ерша сварили, хлебать стали. Не столько съели, сколько расплевали. А хоть рыба костлива, да уха хороша... Сказка вся, больше врать нельзя.

Варвара Ивановна

У Якуньки была супруга Варвара Ивановна.

И каждой день ему за год казался. Вот она кака была зазуба, вот кака пагуба. Ежели Якунька скажет:

- Варвара Ивановна, спи!

Она всю ночь жить буде, глаза пучить. А ежели сказать:

- Варвара Ивановна, сегодня ночью затменье предвешшают. Посидите и нас разбудите.

Дак она трои сутки спать будет, хоть в три трубы труби.

Опять муж скажет:

- Варя, испекла бы пирожка.

- Не стоишь, вор, пирогов.

А скажет:

- Варя, напрасно стряпню затевашь, муку переводишь...

Она три ведра напекет:

- Ешь, тиран! Чтобы к завтраю съедено было!

Муж скажет:

- Варя, сходим сегодня к тетеньке в гости?

- Нет, к эдакой моське не пойдём.

Он другомя:

- Сегодня сватья на именины звала. Я сказал – не придем.

- Нет, хам, придем. Собирайся!

У сватьи гостей людно. Варвара пальцем тычет:

- Якунька, это чья там толстомяса-та девка в углу?

- Это хозяйская дочь. Правда, красавица?

- А по-моему, морда. Оттого и пирогов мало, что она всю муку на свой нос испудрила.

Муж не знат, куда деться:

- Варя, позволь познакомиться. Вот наш почтеннейший начальник.

- Почтеннейший?... А по виду дак жулик, казнокрад.

Тут хозяйка зачнет положенье спасать, пирогом строптиву гостью отвлекает:

- Варвара Ивановна, отведайте пирожка, все хвалят.

- Все хвалят, а я плюю в твой пирог.

И к Варваре кто придет, тоже хорошего мало.

Который человек обрадуется угощению, тот ни фи́га не получит, а кто ломаться будет, того до смерти запотчует.

Мода пришла – стали бабы платьишки носить ребячьи. Варвара наросьне ниже пят сарафанов нашила. Всю грязь с улицы домой приташшит. Вот кака Варвара Ивановна была: хуже керосина. Она и рожалась, дак поперек ехала. Муж из-за такого поведения сильно расстраивался:

- Ах ты... проваль тебя возьми! Запехать разве мне ей на службу. Может, шелко́ва бы стала?

Вот наша Варвара Ивановна на работу попала. Ежели праздник и все

закрыто, дак Варвара в те дни черным ходом в учрежденье залезет и одна до ночи сидит, служит, пишет да читат.

А ежели объявят:

- Варвара Ивановна, эта вся будет спешна неделя. Пожалуйста, без опозданий...

Дак Варвара всю эту неделю назло дома лежит.

Настанет праздник какой, Варвара одна в учреждение работу ломит.

Муж дак за тысячу верст рад бы от этой Варвары уехать, из пушки бы ей рад застрелить.

Оногды идет он со службы, а домой неохота. И видит: дядьки на бочке за город едут. Ах, думает, хорошо б и мне перед смертью на лоно природы.

- Дяденька, подвези!

За папиросу вывезли и Якуньку за город. Стали навоз в яму сваливать.

Яма страшна, глубока. Якуня думат:

- В эту бы яму мою бы Варвару Ивановну!

Яма смородинным кустьем обросла. Это Якуня тоже на ус намотал. Домой явился:

- Хотя ноне и лето, ты, Варвара, за город ни шагу!

- Завтра же с утра отправимся! И ты, мучитель, со мной.

Утром бредут за город. Варвара Ивановна, чтоб не по-мужневу было, задью пятится.

К ямы подошли, к смородиннику. Якунька заявил:

- Мои ягоды!

- Нет, холуй, мои! Лучче и не подступайся!

Замахалась, скочила в куст, оступилась и ухнула в яму. Якунька прослезился и бросил следом три пачки папирос:

- Прости, дорогая!

Затем домой воротился. Никто его не ругат, никто его не страмит.

Самоварчик наставил, сидит, радуется:

- Вот кака жисть пошла приятная!

Однако соседи вскоре заудивлялись, почему из Варвариной квартиры ни крику, ни драки не слышать. Донесли в участок, что не на кирпич ли даму пережгли, боле не орет. Начальник вызвал Якуньку:

- Где супруга?

- Дачу искать уехала.

- Смотри у меня!

Якунька до полусмерти напугался:

- Лучче побегу я добывать свою Варварку.

С веревкой полетел к ямы. Припал, слушат... Писк, визг слышать...

...А вот и Варин голосок...

Слов не понять, только можно разобрать, что произношение матерное.

Якунька конец размотал. Начал удить:

- Эй, Варвара! Имай веревку! Вылезай!

Удит и чует, что дернуло. Конец высбирал, а в петле кто-то боязкой сидит, не боле фунта. Якунька дрогнул, хотел эту бедулину обратно тряхнуть, а она и проплакала:

- Дяденька, не рой меня к Варвары! Благодетель, пожалей!

- Вы из каких будете?

- Я Митроба, по-деревенски Икота. Мы этта в грезной ямы хранились, митробы, иппузории. Свадьбы рядили, сами собой плодились. И вдруг эта Варвара на нас сверху пала, всех притоптала, передавила. Папиросу жорет, я с табаку угорела. О, кака беда! Хуже сулемы эта Варвара Ивановна, хуже карболовой кислоты!

Якунька слушат да руками хлопат:

- Ах да Варвара! Ну и Варвара! А все-таки по причине начальства приходится доставать.

- Якуня, плюнь на их на всех! Порхнем лучче от этого страху в Москву.

- Что делать-то будем?

- Там делов, дак не утянешь на баржи. За спасение моей жисти от Варвары я тебя наделю капиталом. Я Митроба и пойду вселяться по утробам. За меня дохтура примуцца, а я их буду поругивать да тебя ждать. Ты в дом, я из дому.

Якунька шапку о землю:

- Идет! Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая!

Митроба завезалась в шелково кашне, на последни деньги билет купила да в Москву и прикатили. На постоялый двор зашли, сели чай пить. Икота в блюдце побулькалась, заразговаривала:

- По городу ле в киятры ходить, у меня платье не обиходно, да и на Варвару боюсь нарвацца. Лучче без прогулов присмотрю себе завтра барыну понарядне да в ей и зайду.

- Как зайдешь-то?

- Ротом. С пылью ле с едой.

- А мне что велишь?

- Ты в газету объяви, что горазен выживать икоты, ломоты, грыжу, дрип.

Утром Якунька в редакцию полетел, а Митроба в окне сидит, будто бы любуется уличным движением. Мимо дама идет, красива, полна, в мехах. Идет и виноград невытый чавкат. Митроба на виноград села, барына ей и съела. И зачало у барыни в животе урчать, петь, ходить, разговаривать. Ейной муж схватил газету, каки есть дохтора? И читает: "Проездом из Америки. Утробны, внутренни, икоты, щипоты, черевны болезни выживаю".

Полетели по адресу. Якунька говорит:

- Условия такая. Вылечу – сто рублей. Не вылечу – больной платы просит.

Наложил на себя для проформы шлею с медью. Приехали. Икотка барыниным голосом заговорила:

- Здравствуй, Якунюшка! Вот как я! Все тебя ждала. Да вот как я! Лише звонок, думаю, не Якуня ли! Вот как я!

Якуньке совестно за эту знакому:

- Ладно, ладно! Уваливай отсель!

Икота выскочила в виде мыша, только ей и видели. Больна развеселилась, кофею запросила. Американского дохтура благодарят, сто рублей выносят.

Теперь пошла нажива у Якуньки. Чуть где задичают, икотой заговорят, сейчас по него летят. У Якуни пальтов накуплено боле двадцати, сапогов хромовых, катанцей, самоваров, хомутов, отюгов бывает пятнадцать.

Бедну Митробу на дому в дом, из души в душу гонит, деньги хапат. Дачу стеклянну строить зачал, думал – и век так будет. Однако на сем свете всему конец живет. Окончилась и эта легка нажива.

Уж, верно, к осени было. Разлетелся Якунька одну дамочку лечить, а Икота зауросила:

- Находилась более, нагулялась!... Пристала вся!

Якуня тоже расстроился:

- Ты меня в Москву сбила! А кто тебя от Варвары спас?

- Ну, черт с тобой! Этта ешше хватай, наживайся! А далеша! Я присмотрела себе подходяшшу особу, в благотворительном комитете председательшшу. В ей зайду, подоле посижу. Ты меня не ходи гонять. А то я тебя, знахаря-шарлатана, по суд подведу. Якунька удобел:

- Ну, дак извод с тобой, боле не приду. Не дотрону тебя, чертовку!

Получил последню сотенку, тем пока и закончил свою врачебную прахтику.

А Икотка в председательшшу внедрилась. Эта дамочка была така бойка, така выдумка, на собраньях всех становит. Речь говорит – часа по два, по три рот не запирает. Вот эдак она слово взела, рот пошире открыла, Митроба ей туда и сиганула.

Даму зарозбирало, бумагами, чернильницами зачала на людей свистать.

Увезли домой, спешно узнают, кто по эким болезням. В справочном бюро натакали на Якуньку.

Якунька всеми ногами упирается:

- Хоть к ераплану меня привяжите – нейду! Забегали по больницам, по тертухам, по знахарикам. Собрали на консилиум главную профессуру. Старший слово взял:

- Науке известны такие факты. Есь подлы люди. Наведут, дак в час свернет. В данном случае напушено от девки или от бабы от беззубой.

Назначаю больной десеть баен окатывать с оружейного замка.

Другой профессор говорит:

- И я все знаю скрозь. По-моему, у их в утробы лиситер возрос. Пушшай бы больна селедку-другую съела да сутки бы не попила, он бы сам вышел. Лиситера полдела выжить.

Третий профессор воздержался:

- Мы спину понимаю, спину ежели тереть. А черев, утробы тоись, в тонкось не знам. Вот бабка Палага, дак хоть с торокана младень – и то на девицу доказать может.

Ну, они, значит, судят да редят, в пятки колотят, в перси жмут, в бани парят, а больна прихворнула пушше.

Знакомы советуют:

- Нет уж, вам без американского дохтура не сняцца.

К Якуньки цела делегация отправилась:

- Нас к вам натакали. Хоть двести, хоть триста дадите, а без вас не воротимсе.

Якунька весь расслаб:

- От вот каких денег я отказываюсь!... Сам без прахтики живу, в изъян упал.

Он говорит:

- Ваш случай серьезной, нать всесторонне обдумать.

Удалился во свой кабинет, стал на голову и думал два часа тридцать семь минут. Тогда объявил:

- Через печать обратитесь к слободному населению завтра о полден собраться под окнами у недомогающей личности. И только я из окна рукой махну, чтобы все зревели не по-хорошему:

- Варвара Ивановна пришла! Варвара Ивановна пришла.

Эту публикацию грамотной прочитал неграмотному, и в указанной улицы столько народу набежало, дак трамваи стали. Не только гуляющие, а и занятой

персонал в толпе получился. Также бабы с детьми, бабы-молочницы, учащиеся, инвалиды, дворники. Все стоят и взирают на окна.

Якунька подкатил в карете, в новых катанцах, шлея с медью. Его проводят к больной. Вынимат трубку, слушат... Митроба на его зарычала:

- Зачем пришел, собачья твоя совесть?! Мало я для тебя, для хамлета, старалась? Убери инструмент, лучше не вяжись со мной!

Якунька на ей замахался:

- Тише ты! Я прибежал, тебя, холеру, жалеючи. Варвара приехала. Тебя ишшет!

У Митробы зубы затрясло:

- Я боюсь, боюсь!... Где она, Варвара-та?

Якунька раму толкнул, рукой махнул:

- Она вон где!

Как только на улице этот знак увидели, сейчас натобили загудели, трамваи забрякали, молочницы в бидоны, дворники в лопаты ударили, и вся собравшаяся масса открыли рот и грянули:

- Варвара Иванна пришла! Варвара Иванна пришла!

Икота из барыни как пробка вылетела:

- Я-то куды?

- Ты, – говорит Якунька, – лупи обратно в яму. Варвара туда боле не придет!

Народ думают – пулей около стрелили, а это Митроба на родину срочно удалилась. Ну, там Варваре опять в лапы попала.

А Якунька, деляга, умница, снова, значит, заработал на табачишко...

Волшебное кольцо

Жили Ванька двоима с матерью. Житьишко было само последно. Ни послать, ни окутаца и в рот положить нечего. Однако Ванька каждой месяц ходил в город за пенсией. Всего получал одну копейку. Идет оногды с этими деньгами, видит – мужик собаку давит:

- Мужичок, вы пошто шшенка мучите?

- А твое како дело? Убью вот, телячьих котлетов наделаю.

- Продай мне собачку.

За копейку сторговались. Привел домой:

- Мама, я шшеночка купил.

- Што ты, дураково поле?! Сами до короба дожили, а он собаку покупат!

Через месяц Ванька пенсии две копейки получил. Идет домой, а мужик кошку давит.

- Мужичок, вы пошто опять животину тираните?

- А тебе-то како дело? Убью вот, в ресторант унесу.

- Продай мне.

Сторговались за две копейки. Домой явился:

- Мама, я котейка купил.

Мать ругалась, до вечера гудела.

Опять приходит время за получкой идти. Вышла копейка прибавки.

Идет, а мужик змею давит.

- Мужичок, што это вы все с животными балуете?

- Вот змея давим. Купи?

Мужик отдал змея за три копейки. Даже в бумагу завернул. Змея и провещилась человеческим голосом:

- Ваня, ты не спокаиссе, што меня выкупил. Я не проста змея, а змея Скарапея.

Ванька с ей поздоровался. Домой заходит:

- Мама, я змея купил.

Матка язык с перепугу заронила. На стол забежала. Только руками трясет.

А змея затенулась под печку и говорит:

- Ваня, я этта буду помешшаться, покамес хороша квартира не отделана.

Вот и стали жить. Собака бела да кошка сера, Ванька с мамой да змея Скарапея.

Мать этой Скарапеи не залюбила. К обеду не зовет, по отчеству не величат, имени не спрашивают, а выйдет змея на крылечке посидеть, дак matka Ванькина ей на хвост каждой раз наступит. Скарапея не хочет здесь жить:

- Ваня, меня твоя мама очень обижают. Веди меня к моему папы!

Змея по дороге – и Ванька за ей. Змея в лес – и Ванька в лес. Ночь сделалась. В темной дебри стала перед има высока стена городова с воротами.

Змея говорит:

- Ваня, я змеиноного царя дочерь. Возьмем извошыка, поедем во дворец.

Ко крыльцу подкатили, стража честь отдает, а Скарапея наказывает:

- Ваня, станет тебе мой папа деньги наваливать, ты ни копейки не беря.

Проси кольцо одно – золотно, волшебно.

Змеиной папа не знат, как Ваньку принеть, куда посадить.

- По-настоящему, – говорит, – вас, молодой человек, нать бы на моей дочери женить, только у нас есь кавалер сговоренной. А мы вас деньгами отдарим.

Наш Иванко ничего не берет. Одно поминат кольцо волшебно. Кольцо выдали, рассказали, как с им быть.

Ванька пришел домой. Ночью переменял кольцо в пальца на палец.

Выскочило три молодца:

- Што, новой хозеин, нать?

- Анбар муки нать, сахару-да насыпьте, масла-да...

Утром мати корки мочит водой да сосет, а сын говорит:

- Мама, што печка не затоплена? Почему тесто не окатываш? До ночи я буду пирогов-то ждатель?

- Пирого-ов? Да у нас год муки не бывало. Очнись!

- Мама, обуй-ко глаза-те да поди в анбар!

Матка в анбар двери размахнула, да так головой в муку и ульнула.

- Ваня, откуда?

Пирогов напекли, наелись, в город муки продали, Ванька купил себе пинжак с корманами, а матера платье модно с шлейфом, шляпу в цветах и в перьях и зонтик.

Ах, они наредны заходили: собачку белу да кошку Машку коклетами кормят.

Опять Ванька и говорит:

- Ты што, мамка, думаш, я дома буду сидеть да углы подпирать?... Поди, сватай за меня царску дочь.

- Брось пустеки говорить. Разве отдадут из царского дворца в эдаку избушку?!

- Иди сватай, не толкуй дале.

Ну, Ванькина мать в модно платье средилась, шляпу широкоперу наложила и побрела за реку, ко дворцу. В палату зашла, на шляпы каждой цветок трясется. Царь с царицей чай пьют сидят. Тут и дочь-невеста придано себе трахмалит да гладит. Наша сватья стала среди избы под матицу:

- Здравсте, ваше велико, господин анператор. У вас товар, у нас купец.

Не отдаите ли вашу дочь за нашего сына взамуж?

- И кто такой ваш жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать на ответ:

- Роду кресьенского, города вашего, по отечесью Егорович.

Царица даже чай в колени пролила:

- Што ты, сватья, одичала?! Мы в жонихах, как в сору каком, роемся-выбираем, дак подет ли наша девка за мужика взамуж? Пускай вот от нашего дворца да до вашего крыльца мост будет хрустальной. По такому мосту приедем женихово житье смотреть.

Матка домой вернулась невесела: собаку да кошку на улицу выкинула. Сына ругат:

- Послушала дурака, сама дура стала. Эстолько страму схватила...

- На! Неужели не согласны?

- Обрадовались... Только задачку маленьку задали. Пусть, говорят, от царского дворца да до женихова крыльца мост будет хрустальной, тогда придут женихово житье смотреть.

- Мамка, это не служба, а службишка. Служба вся впереди.

Ночью Иванко переменил кольцо с пальца на палец. Выскочило три молодца:

- Што, новой хозеин, нать?!

- Нать, штобы наша избушка овернулась как бы королевскими палатами. А от нашего крыльца до царского дворца мост хрустальной и по мосту машина ходит самосильно.

Того разу, со полуночи за рекой стук пошел, работа, строительство. Царь да царица спросонья слышат, ругаются:

- Халера бы их взела с ихной непрерывкой... То субботник, то воскресник, то ночесь работа...

А Ванькина семья с вчера спать валилась в избушке: мамка на печки, собака под печкой, Ванька на лавки, кошка на шешки. А утром прохватились...

На! што случилось!... Лежат на золоченных кроватях, кошечка да собачка ново помешшенье нюхают. Ванька с мамкой тоже пошли своего дворца смотреть. Везде зерькала, занавесы, мебель магазинна, стены стеклянны. День, а ланпы горят... Толь богато! На крыльцо выгуляли, даже глаза зашшурили. От ихного крыльца до царского дворца мост хрустальной, как колечко светит. По мосту машинка сама о себе ходит.

- Ну, мама, – Ванька говорит, – оболось помодне да поди зови анператора этого дива гледеть. А я, как жених, на машинки подкачу.

Мама сарафанишко сдернула, барыной наредилась, шлейф распустила, зонтик отворила, ступила на мост, ей создади ветерок попутной дунул, – она так на четвереньках к царскому крыльцу и съехала. Царь да царица чай пьют. Мамка заходит резво, глядит весело:

- Здравсте. Чай да сахар! Вчерась была у вас со сватеньем. Вы загадочку задали: мост состряпать. Дак пожалуйста работу принимать.

Царь к окошку, глазам не врит:

- Мост?! Усохни моя душенька, мост!...

По комнаты забегал:

- Карону суда! Пальте суда! Пойду пошшупаю, может, ише оптической омман здренья.

Выкатил на улицу. Мост руками хлопат, перила шатат... А тут ново диво.

По мосту машина бежит сухопутно, дым идет и музыка играет. Из каюты Ванькавыпал и к анператору с поклоном:

- Ваше высоко, дозвольте вас и супругу вашу все покорнейше просить прогуляться на данной машинке. Открыть движение, так сказать...

Царь не знат, што делать:

- Хы-хы! Я-то бы ничего, да жона-то как?

Царица руками-ногами машет:

- Не поеду! Стрась эка! Сронят в реку, дак што хорошего?!

Тут вся свита заговаривала:

- Ваше величие, нать проехаться, пример показать. А то перед Европами будет канфуз!

Рада бы курица не шла, да за крыло волокут. Царь да царица вставились в каютку. Свита на запятках. Машина сосвистела, звонок созвонил, музыка заиграла, покатались, значит.

Царя да царицу той же минутой укачало – они блевать приправились.

Которы пароходы под мостом шли с народом, все облеваны сделались. К шшасью, среди моста остановка. Тут буфет, прохладительны напитки. Царя да царицу из каюты вынели, слуги поддавалами машут, их в действо приводят. Ванька с подносом кланяится. Они, бажоны, никаких слов не примают:

- Ох, тошнехонько... Ох, укачало... Ух, растресло, растрепало...

Молодой человек, мы на все согласны! Бери девку. Только вези нас обратно.

Домой поворачивай.

Свадьбу средили хорошу. Пирогы из печек летят, вино из бочек льется.

Двадцать генералов на этой свадьбы с вина сгорело. Троих сеноторов в драки убили. Все торжесво было в газетах описано. Молодых к Ваньке в дом свезли.

А только этой царевны Ванька не надо был. У ей в заграницы хахаль был готовой.

Теперь и заприпадала к Ваньки:

- Супруг любезной, ну откуда у тебя взелось эдако богасьво? Красавчик мой, скажи!

Скажи да скажи и боле никаких данных. Ванька не устоял против этой ласкоты, взял да и рассказал. Как только он заспал, захрапел, царевна стащила у его с перста кольцо и себе с пальца на палец переменяла.

Выскочило три молодца:

- Што, нова хозейка, нать!...

- Возьмите меня в этих хоромах, да и с мостом и поставьте среди городу Парижу, где мой миленькой живет.

Одночасно эту подлу женщину с домом да и с хрустальным мостом в Париж унесло, а Ванька с мамкой, с собакой да с кошкой в прежней избушке оказались. Только Иванко и жонат бывал, только Егорович с жоной сыпал! Все четверо сидят да плачут.

А царь собрался после обеда к молодым в гости идти, а моста-то и нету, и дому нету. Конечно, обиделся, и Ваньку посадили в казематку, в темну.

Мамка, да кошечка, да собачка христа-ради забегали. Под одним окошечком выпросят, под другим съедят. Так пожили, помаялись, эта кошка Машка и говорит собаке:

- Вот што, Белой, сам себе на радость ништо не живет. Из-за чего мы бьемся? Давай, побежим до города Парижа к той бляди Ванькино кольцо добывать.

Собачка бела да кошка сера кусочков засушили и в дорогу переправились через реку быстру и побрели лесами темныма, пошли полями чистыма, полезли горами высокима.

Сказывать скоро, а идти долго. Вот и город Париж. Ванькин дом искать не долго. Стоит среди города и мост хрустальной, как колечко. Собака у ворот спреталась, а кошка зацарапалась в спальну. Ведь устройство знакомо.

Ванькина молодуха со своим прихотьем на кровати лежит и волшебное кольцо в губах держит. Кошка поймала мыша и свистнула царевны в губы.

Царевна заплевалась, кольцо выронила. Кошка кольцо схватила да в окно да по крышам, по заборам вон из города! Бежат с собачкой домой, радехоньки. Не спят, не едят, торопятся. Горы высоки перелезли, чисты поля перебежали, через часты дебри перебрались. Перед има река быстра, за рекой свой город.

Лодки не привелось – как попасть? Собака не долго думат:

- Слушай, Маха, я вить плаваю хорошо, дак ты с кольцом-то сядь ко мне на спину, живехонько тебя на ту сторону перепяхну.

Кошка говорит:

- Кабы ты не собака, дак министр бы была. Ум у тебя осударсьвенной.

- Ладно, бери кольцо в зубы да молчи. Ну, поехали!

Пловут. Собака руками, ногами хлопат, хвостом правит, кошка у ей на загривки сидит, кольцо в зубах крепит. Вот и середка реки. Собака отдувается:

- Ты, Маха, молчи, не говори, не утопи кольца-то!

Кошка ответить никак, рот занет...

Берег недалеко. Собака опеть:

- Ведь, ежели хоть одно слово скажешь, дак все пропало. Не вырони кольца!

Кошка и бякнула:

- Да не уроню!

Колечко в воду и булькнуло...

Вот они на берег выбрались, ревут, ругаются.

Собака шумит:

- Зазуба ты наговориста! Кошка ты! Болтуха ты проклята!

Кошка не отстават:

- Последня тварь – собака! Собака и по писанью погана... Кабы не твои разговоры, у меня бы за сто рублей слова не купить!

А в сторонки мужики рыбину только што сетью выловили. Стали черевить да солить и говорят:

- Вон где кошка да собака, верно, с голоду ревут. Нать им хоть рыбины черева дать.

Кошка с собакой рыбы внутренности стали ись да свое кольцо и нашли...

Дак уж, андели! От радости мало не убились. Вижжат, катаются по берегу.

Нарадовавшись, потрепали в город.

Собака домой, а кошка к тюрьмы.

По тюремной ограды на виду ходит, хвост кверху! Курнякнула бы, да кольцо в зубах. А Ванька ей из окна и увидел. Начал кыскать:

- Кыс-кыс-кыс!!

Машка по трубы до Ванькиной казематки доцапалась, на плечо ему скочила, кольцо подает. Уж как бедной Ванька зародовался. Как андела, кота того принял. Потом кольцо с пальца на палец переменял. Выскочили три молодца:

- Што, новой хозеин, нать?!

- Нать мой дом стеклянной и мост хрустальной на старо место поставить.

И штобы я во своей горницы взелся.

Так все и стало. Дом стеклянной и мост хрустальной поднело и на Русь поташило. Та царевна со своим дружишком в каком-то месте неокуратно выпали и просели в болото.

А Ванька с мамкой, собака бела да кошка сера стали помешшаться во своем доме. И хрустальной мост отворотили от царского крыльца и перевели на деревню. Из деревни Ванька и взял себе жону, хорошу деушку.

Золоченые лбы

На веках нектором осударстве царь да ише другой мужичонко исполу промышляли. И поначалу все было добрым порядком. Вместях по рыболовным становищам болтаются, где кака питва идет, тут уж они первым бесом.

Царь за рюмку, мужик за стакан. Мужичонка на имя звали Капитон. Он и на квартире стоял от царя рядом.

Осенью домой с моря воротяцца, и сейчас царь по гостям с визитами заходит, по главным начальникам. Этот Капитонко и повадился с царем. Его величию и не по нраву стало. Конешно, это не принято.

Оногды амператора созвали ко главному сенатору на панкет. Большой стол идет: питье, еда, фрелины песни играют. Осударь в большом углу красуется. В одной ручки у его четвертна, другой рукой фрелину зачалил. Корона съехала на ухо, мундер снят, сидит в одном жилету. Рад и тому, бажоной, што приятеля нету.

Вот пир к концу заприходил. Царицы Аграфены пуще всех в голову вином ударило. И как только ейной адъютант Королев в гармонь заиграл, она вылезла середка залы и заходила с платочком, запритапывала:

Эх, я стояла у поленницы, у дров.
По угору едет Ваня Королев.
Отчего далеко видела:
От часов цепочка светила.
Цепочка светила в четыре кольчика,
У милого нету колокольчика.
У милого коробок, коробок,
Я гуляю скоро год, скоро год!

Сенаторы, которы потрезве, смеются:

- Хы-хы! При муже кавалера припеват. Вот до чего – и то ничего.

И вдруг это веселье нарушилось. Капитонко в залу ворвался, всех лакеев распехал, увидал, что царица Аграфена утушкой ходит, сейчас подлетел, ногами шарконул и заходил вокруг ей вприсядку, с прискоком, с присвистом. Песню припеват:

Разве нищие не пляшут?
Разве песен не поют?
Разве по миру не ходят?
Разве им не подают?

А у самого калошишки на босу ногу, у пинжачонка рукав оторван, карманы вывернуты. Под левым глазом синяк. И весь Капитон пьяне вина! Царь немножко-то соображает. Как стукнет по столу да как рявкнет:

- Вон, пьяна харя! Убрать его!

Капитонко царя услышал, обрадовался, здороваться лезет, целоваться:

- На, пес с тобой, ты вот где? А я с ног сбился, тебя по трактирам, по пивным искавши!

Придворны гости захикали, заощерялись. Это царю неприлично:

- Кисла ты шерсть! Ну куда ты мостиссе?! Кака я те, пьянице, пара? Поди выпись.

Капитонку это не обидно ли?

- Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю! Возьму батог потяжеле, всех разбросаю, кого не залюблю!

Брани -дак хоть потолком полезай. Царь с Капитоном драцца снялись.

Одежонку прирвали, корону под комод закатили. Дале полиция их розняла, протокол составили.

С той поры Капитона да амператора и совет не забрал. И дружба врозь.

Мужичонко где царя увидат, все стращат:

- Погоди, навернесе ты на меня. Тогда увидам, которой которого наиграт.

Судятся они друг со другом из-за каждого пустяка. Доносят один на другого. Чуть у царя двор не убрали или помойну яму запакостили, мужичонко сейчас ко квартальному с ябедой.

Вот раз царь стоит у окна и видит: Капитонко крадется по своему двору (он рядом жил) и часы серебряны в дрова прятат. Уж верно крадены.

Царь обрадовался:

- Ладно, зазуба! Я тебе напряду на кривое-то веретено.

Сейчас в полицию записку. У мужика часы нашли – и самого в кутузку. Он с недельку отсидел, домой воротился. И даже супу не идет хлебать, все думат, на царя сердце несет. Вот и придумал.

У царя семья така глупа была – и жена, и дочки, и маменька. Цельной день по окнам пялятся, кивают, кавалерам мигают, машут. Царь их никуда без себя не пускат в гости. Запоежжат на войну ли, на промысел – сейчас всех в верхней этаж созбират и на замок закроет.

А в окурат тот год, как промеж царем да Капитонком остуда пала, в царстве сахару не стало. Капитонко и придумал. Он в короб сору навалил, сверху

сахаром посыпал да мимо царский дворец и лезет, пыхтит, тяжело несет... Царские маньки да ваньки выскочили:

- Эй, мужичок! Откуда эстольку сахару?

- На! Разве не слышали? Заграничны пароходы за Пустым островом стоят, всем желающим отсыпают.

Ваньки- маньки к царю. Царь забегал, зараспоряжался:

- Эй, лодку обряжай! Мешки под сахар налаживай!

Аграфена с дочкой губы надувают:

- Опять дома сидеть... Выдал бы хоть по полтиннику на тино, в тиматограф сходить. Дома скука, вот так скука дома!

Царь не слушат:

- Скука? Ах вы лошади, кобылы вы! Взяли бы да самоварчик согрели, граммофон завели да... пол бы вымыли.

Вот царь замкнул их в верхнем этажу, ключ в контору сдал, мешки под сахар в лодку погрузили и, конешно, пива ящик на свою потребу. Паруса открыли и побежали за Пустые острова. С царем свиты мужика четыре.

Провожающий народ на пристани остался. Все узнали, што царь по сахар кинулся. Капитонко украулил, што царя нету, сейчас модной сертук напрокат взял, брюки клеш, камаша с калошами, кепку, заместо бороды метлу, штобы не узнали. Потом туес полон смолы, пеку черного налил, на голову сдынул, идет по городу да вопит:

- Нет ли лбов золотить?! А вот кому лоб золотить?

К царскому дворцу подошел да как вякнет это слово:

- А нет ли лбов золотить?!

Царева семеюшка были модницы. Оне из окна выпехались, выпасть рады.

- Жалам, мы жалам лбов золотить! Только ты, верно, дорого спросишь?

- По причине вашей выдающей красоты отремонтируем бесплатно. К вам которой затти?

- Мы сидим замчены и гостей к себе на канате, на блочку подымам.

Вот они зыбочку спустили, тот примостился:

- Полный ход!

У Аграфены силы не хватат. Мужик тяжелой, да смолы полпуда. Аграфена девку да матку кликнула. Троица за канат ухватились, дубинушку запели:

Эх, што ты, свая наша, стала!

Эх, да закопершика не стало!

Эй, дубинушка, ухнем!

Эй, зеленая, сама пойдет!

Затянули Капитона. На диван пали, еле дышут:

- Первой экой тяжелой мужик. Вы откулешны будете, мастер?

- Мы европейских городов. Прошлом годе англиску королеву золотом прокрывали, дак нам за услуги деплом из своих рук и двухтрубной мимоносец для доставки на родину. Опеть французскому президенту, извините, плешь золотили.

- А право есть?

Капитонко им стару квитанцию показыват, оне неграмотны, думают - деплом.

- А, очень приятно. Этого золота можно посмотреть?

- Никак нельзя. Сейчас в глазах ослепление и прочее. Во избежание этого случая, докамест крашу и полирую, глаз не отворять. Пока не просохнете, друг на дружку не глядеть и зеркало не шевелить.

Царицы жалко стало золота на бабку:

- Маменька-та стара порато, уж, верно, не гожа под позолоту-ту...

Маменька, ты в позолоту хошь?

- Ась?

- Хошь, говорю, вызолотицце?

- Ась?

- Тьфу, изводу на тебя нету! Вот золотых дел мастер явился. Хошь, обработат?

- Ну как не хотеть? Худо ли для свово умиления к празднику вызолотицца!

Капитон их посадил всех в ряд.

- Глазки зашшурьте. Не моги никотора здреть!

Он смолы поваренкой зачерпнул -да и ну ту, да другу, да третью.

- Мастер, што это позолота на смолу пахнет?

- Ничево, это заготовка.

А сам насмаливает. Мажет, на обе щеки водит. У их, у бажонных, уж и волосья в шапочку слились.

А он хвалит:

- Ах кака прелись! Ах кака краса!

Те сидят довольнехоньки, только поворачиваются:

- Дяденька, мне этта ишке положь маленько на загривок...

Капитон поскреб поваренкой со дна. Потяпал по макушкам.

- Все! Ну, ваши величия! Сияние от вас, будто вы маковки соборны.

Сейчас я вас по окнам на солнышко сохнуть разведу.

Аграфену в одно окно посадил, девку в друго, а бабенка на балкончик выпросилась.

- Меня, – говорит, – на ветерку скоре захватит.

Мастеру некогда:

- Теперь до свидания, оревуар! Значит, на солнышке сидите, друг на дружку не глядите, только на публику любуйтесь. Папа домой воротицца, вас похвалит, по затылку свой колер наведет. Ему от меня привет и поцелуй.

Тут Капитон в окно по канату, да только его, мазурика, и видели.

У царя дом глазами стоял на площадь на большу, на торгову. Там народишку людно. Мимо царской двор народу идет, как весной на Двины льду несет. Окна во дворце открыты, как ворота полы. В окнах царска семья высмолены сидят, как голенишша черны, как демоны. Бабушка на балконе тоже как бугири какой. Народ это увидел и сначала подумали, што статуи, негритянска скульптура с выставки куплена. Потом разглядели, што шевелятся, - россудили, што арапы выписаны ко двору. А уж как царску фамилию

признали, так город-от повернулся. Учали над черными фигурами сгогатывать. Ко дворцу со всех улиц бе-жат, по дороге завязываются. Матери ребят для страху волокут:

- Будете реветь, дак этим черным отдаим!

Мальчишки свистят, фотографы на карточку царскую семью снимают, художники патреты пишут...

О, какой страм!

Напротив царского дома учреждение было – Земной удел. И тут заседают меницинской персонал. Начальники-ти и увидали царску фамилию в таком виде и народно скопленье. Не знают, што делать. И тут ише явились извошшишьи деликаты. На коленки пали и сказали:

- Господа начальники! Бабенька царская, прах с има, в черном виде на балконе сидят, дак у нас лошади бросаются, седоки обижаются, двоих седоков убило. Пропа-а-ли наши головушки! И-и-хы-хы-хы-ы!

Извошшики заплакали, и все заплакали и сказали:

- Пойдемте всенародно умолять ихны величия, не пожалеют ли, пожалусто, простого народу!

Вот запели и пошли всема ко дворцу. Выстроились перед палатами в ширинку, подали на ухвате прошение. Аграфена гумагой машет да кивает. И бабка ужимается, и девка мигает. Оне думают – народ их поздравлять пришел.

Што делать? Нать за царем бежать. А всем страшно: прийти с эдакой весью, дак захвоснет на один взмах. Однако главной начальник сказал:

- Мне жись не дорога. На бутылку дайте, дак слетаю.

Чиновники говорят:

- Ура! Мы тебе ераплан либо там дерижаб даим, только ты его за границу не угони.

Начальник в ераплан вставился, от извошшиков деликат в кучера. Пары розвели, колесом завертели, сосвистели. Ух, порхнули кверху, знай держи хвосты козырем! Пока в городе это дело творецца, царь на Пустых островах в лютой досады сидит. Ехал ни по што, получил ничего. Ехал – ругался, што мешков мало взяли, приехал – сыпать нечего. Ни пароходов, ни сахару; хоть плачь, хоть смейся. Сидит егово величие, пиво дует. В город ни с чем показаться совесно. Вдруг глядит -дерижаб летит. Машина пшикнула, пар

выпустила, из ей начальник выпал с деликатом. Начальник почал делать доклад:

- Ваше высоко... Вот какие преднамеренны поступки фамилия ваша обнаружила... Личики свои в томном виде обнародовали. Зрителей полна площадь, фотографы снимают, несознательны элементы всякие слова говорят...

Царь руками сплескался -да на дерижаб бегом. За ним начальник да деликат. Вставились, полетели. Деликат вожжами натряхиват, начальник колесом вертит, амператор пару поддает, дров в котел подкидыват... Штобы не так от народу совесно, колокольчик отвязал.

Вот и город видать, и царски палаты. На площади народишко табунится.

Гул идет. Меницинской персонал стоит да кланеится. Мальчишки в свистюльки свистят, в трупетки трубят. Царь ажно сбрусвянел:

- Андели, миру-то колько! Страм-от, страм-от какой! Деликат, правь в окно для устрашенья!

Народ и видит – дерижаб летит, дым валит. Пра-аз! В окно залетели, обоконки высадили, стекла посыпались, за комод багром зачалились.

Выкатил царь из машины -да к царицы.

- Што ты, самоедка... Што ты, кольско страшилишшо!

Аграфена засвистела:

- Ра-а-атуйте, кто в бога верует!!

Царь дочку за чуб сгорстал. У ей коса не коса, а смолена веревочка.

Царь на балкон. Оттуда старуху за подол ташшит, а та за перила сграбилась да пасть на всю площадь отворила.

Народ даже обмер. Не видали сроду да и до этого году. Еле царь бабку в комнату заволок:

- Стара ты корзина! Могильна ты муха! Сидела бы о смертном часе размышляла, а не то што с балкона рожу продавать.

Вот оне все трое сидят на полу – царица, бабка да дочка – и воют:

- Позолоту-ту сби-и-л, ах, позолоту-ту сгубил! Ах, пропа-а-ла вся краса-а!...

- Каку таку позолоту?!

- Ведь нас позолотили, мы сидели да сохли-и.

- Да это на вас золото??? Зеркало сюда!...

Ваньки- маньки бежат с зеркалом. Смолены-ти рожи глаза розлепили, себя увидали, одночасно их в ом-морок бросило.

Полчасика полежали, опять в уме сделались. Друго запели:

- Держите вора-мазурика!... Хватайте бродягу!

Царь кулаком машется:

- Сказывайте, как дело было.

Вот те в подолы высморкались, утерлись, рассказывают...

Царь слушал и сам заплакал:

- Он это! Он, злодей Капитонко, мне налил... Он, вор, меня и из города выманил. Не семья теперь, а мостова асфальтова! Ишь пеком-то вас как сволокло... Охота народ пугать, дак сами бы сажи напахали, да розвели, да и мазали хари-ти... Дураки у меня и начальники. Кланяться пришли... Взяли бы да из пожарного насоса дунули по окнам-то. Холеры вы, вас ведь теперь надо шкрапить...

- Ничего, папенька, мы шшолоку наварим, и пусть поломойки личики наши кажно утро шоркают.

Царь побегал-побегал по горнице, на крыльцо вылетел.

Народишко, который ради скандалу прибежал, с крыльца шарахнулся.

Царь кричит:

- Стой! Нет ли человека, кто мужика со смолой в рожу видел?

Выскочили вперед две торговки, одна селедошница, друга с огурцами:

- Видели, видели! Мушшина бородатый в сертуке туда полз с туесом, а обратно порозной.

- В котору сторону пошел?

- А будто по мосту да в Заречье справил.

- Тройку коней сюда! – царь кричит.

Тройку подали. Царь с адъютантом сел, да как дунули-дунули, только пыль свилась да народ на карачки стал. Через мост, к зарецким кабакам, перепорхнули. Катают туда-сюда, спрашивают про Капитонка:

- Тут?

- Нет, не тут.

- Тут?

- Нет, не этта!

Буди в Канской мох мужичонко провалился... А Капитонко ведь там и был.

Учуял за собой погоню – бороду, метлу-ту, отвязал, забежал в избушку. Там старуха самовар ставит, уголье по полу месит.

- Ты, бабушка, с чем тут?!

- Чай пить средилась. А ты хто?

- Чай пить?! Смертной час пришел, а она чай пить... Царь сюда катит, он тя застрелит.

- Благодетель, не оставь старуху!

- Затем и тороплюсь. Скидовой скорей сарафанишко да платок, в рогозу завернись да садись под трубу заместо самовара.

Живехонько они переменились. Капитонко уж в сарафане да в платке по избы летат, самовар прячет, бабку в рогозу вертит, на карачки ей ставит, самоварну трубу ей на голову нахлобучил:

- Кипи!

Тут двери размахнулись, царь в избу. Видит – старуха около печки обрежается:

- Бабка, не слыхала, этта мужик в сертуке мимо не ехал?

А Капитонко бабьим голосом:

- Как не видеть! Даве мимо порхнул, дак пыль столбом.

- В котору сторону?

- Не знай, как тебе рассказать... Наша волость – одны болота да леса. Без провожатого не суниссе.

- Ты-та знашь место?

- Родилась тут.

- Бабка, съезди с моим адъютантом, покажи дорогу – найти этого мужика... А я тут посижу, боле весь росслаб, распался... Справиссе с заданием, дак обзолочу!

Мазурик-то и смекат:

- Золотить нас не нать, а дело состряпам. Сидите, грейте тут самоварчик, мы скоро воротимся, чай пить будем.

Капитонко в платок рожу пуще замотал -да марш в царску коляску. Только в лесок заехали, эта поддельна старуха на ножку справилась, за адъютанта сграбилась да выкинула его на дорогу; вожжи подобрала, да только Капитонка и видели.

А царь сидит, на столе чашки расставляют.

Бедна старуха под трубой – ни гу-гу.

На улице и темнеть стало. Царю скучно:

- Што эо самовар-от долго не кипит?

Его величество трубу снял, давай старухе уголье в рот накладывать...

Удивляется, што тако устройство. Потом сапог скинул, бабке рожу накрыл, стал уголье раздувать. Старуха со страху еле жива, загудела она, зашумела, по полу ручей побежал...

Царь забегал:

- Ох-ти мне! Самовар-от ушел, а их чай пить нету. Скорее надо заварить...

Хочет самовар на стол поставить.

- На! Где ручки-те?

Старуху за бока прижал, а та смерть шшекотки боится: она как визгнет не по-хорошему... И царь со страху сревел -да на шкап. А старуху уж смех одолел. Она из рогозы вылезла.

- Ваше величество, господин император! Не иначе, што разбойник-от этот и был. Как он нас обоих обмакулил, омманул...

Ночью царь задами да огородами пробрался домой, да с той поры и запил, бажоной.

А Капитонко в заграницу на тройке укатил и поживат там, руки в карманах ходит, посвистывают.

Источник: <http://lib.ru/TALES/SHERGIN/>

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).